

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Матвеева Анастасия Андреевна

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ
И ВОСПРОИЗВОДСТВА КОНСЕРВАТИВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Лукина Нелли Петровна

Томск – 2015

Оглавление

Введение	3
1 Историко-философская ретроспектива становления и развития классического консерватизма	14
1.1 Анализ базовых философских понятий, конституирующих консервативное мировоззрение	16
1.2 Диалектика традиции и модернизации в консервативном мировоззрении ...	28
1.3 Концепт государства в классическом консерватизме	34
2 Актуализация консервативной проблематики в философии постмодернизма ...	45
2.1 Категориальный анализ номинаций современного общества: от модерна к постмодерну	46
2.2 Технологические трансформации современного общества в постмодернистской парадигме	61
2.3 Причины и способы актуализации консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма	71
3 Механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна	79
3.1 Аксиологический базис формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения	81
3.2 Лингвистические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения	93
3.3 Прагматический аспект формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения	100
Заключение	111
Список литературы	115

Введение

Актуальность исследования. С 60-х годов XX века западное общество развивается под девизом деидеологизации. Согласно данной концепции, в современном обществе роль идеологии значительно снижается и уступает лидирующие позиции знаниям, полученным в ходе научно-технической революции. Тезис деидеологизации общества нес с собой освобождение обывателя от довлевших над ним традиционных принципов жертвенной морали, мешающей приобщиться к обществу потребления, реабилитировал принципы удовольствия и гедонизма. Последствия научно-технической революции привели к тому, что с 70-х годов XX века социологи (Д. Бэлл, Дж. Гэлбрейт, П. Друкер, Э. Тоффлер и др.) начали говорить о новом типе общества, складывающемся на Западе – обществе постиндустриальном. В 80-90-е годы XX века ряд исследователей занялся поисками «новой» идеологии, способной описать изменившуюся социальную реальность. Распад Советского союза ознаменовал крах социалистической идеологии и привел к тому, что либеральная идеология стала единственно возможной и перестала быть идеологией в прямом смысле этого слова. Мир универсализировался, приоритет отдан тенденциям глобализации, наступила всеобщая победа либеральной демократии с ее ценностями свободы, рынка, индивидуализма.

Вместе с тем, в новых условиях не остается места антропологическому вектору. «Общество потребления» предложило западному индивиду свою философию потребления. И если для 60-70-х годов XX века это было ново и воспринималось исключительно в позитивном ключе, как царство достатка и благополучия, где материальные ценности, так необходимые в послевоенное время, ставились во главу угла, и лишь некоторые из философов (одними из ярых противников складывающихся порядков выступил Г. Маркузе¹) заявляли об

¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М: Издательство АСТ, 2002. – 526 с.

опасности таких идей, то к 80-90-м годам XX века происходит масштабная рефлексия над сущностным содержанием данных установок, а в начале XXI века наблюдается открытая и практически повсеместная критика базовых ценностей «общества потребления». Развитие критического направления философской мысли, реализованное мыслителями Франкфуртской школы², приводит в том числе к появлению разного рода социально-философских, этических, эстетических, лингвистических теорий качественно нового типа, фиксирующих фундаментальные изменения, происходящие в западном обществе, что дает основание говорить о появлении новой социальной формации, которая приходит на смену общества модерна – общество постмодерна. Постмодернизм появляется как теоретическая реакция на изменения в культуре (литературе, искусстве) первой половины XX века. Позднее, в 80-е гг. XX века, благодаря философским работам Ж.-Ф. Лиотара³, Ж. Бодрийяра⁴, У. Эко⁵, Р. Барта⁶, М. Фуко⁷, З. Баумана⁸ и др., происходит обращение к осмыслению социально-экономических, технологических, социально-политических трансформаций в развитых странах Запада, а также к проблемам языка, политики, власти, идеологии.

Таким образом, в современном европейском обществе прослеживается кризис адекватного понимания общественных изменений, для объяснения которых становится не достаточно только категориального аппарата либерального мировоззрения. Проблема заключается в кризисе экономической модели, что находит свое подтверждение в мировом экономическом кризисе 2008 года и его последствиях, в девальвации аксиологической базы, которая выражается в так называемой ценностной аномии, во все более усложняющейся политической

² См. работы М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Ю. Хабермаса, В. Беньмина, и др.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб., М.: Алетей; Институт экспериментальной социологии, 1998. – 160 с.

⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.

⁵ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб: Симпозиум, 2004. – 544 с.

⁶ Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. сл. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.

⁷ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко; пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 446 с.

⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

ситуации, где аналитики фиксируют очередную волну империалистических войн за политическую гегемонию и экономические ресурсы.

В «текучей современности» индивид один на один остается со своими проблемами и страхами, он вынужден самостоятельно укорениться в действительности, адаптироваться к постоянно изменяющейся социальной реальности, приспособиться к жизни в «состоянии заброшенности». В таких социальных условиях актуализируются метафизические основания консервативной идеологии: идея богатства человеческой природы во всем ее многообразии, идея уникальности человеческого бытия и индивидуального человеческого опыта, идея истории, в которую погружено человеческое бытие, уникальности исторического опыта каждого индивида. С нашей точки зрения, метафизические основания консерватизма наряду с его базовыми ценностями (традиции, семья, национальное государство, религия) способны дать точку опоры индивиду, способствовать формированию коллективной идентичности и чувства защищенности.

Исследование консерватизма также актуально для России, которая последние десятилетия находится в перманентном состоянии «социального транзита». В современной России, наряду с идеями либерализма, существуют консервативные умонастроения. С 2000-х годов существует проект «консервативной модернизации», сущность которого заключается в постепенном проведении реформ без резких социальных скачков и революций.

Настоящее исследование нацелено на поиск социально-философских механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Данная тема представляет особый интерес для решения теоретических проблем, связанных с определением роли и места консерватизма в современном обществе, с актуализацией идеологического потенциала его базовых установок для практического применения в различных сферах жизни общества. Изучение социально-философских механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения имеет большое значение для адекватного

понимания особенностей развития современного общества, его социокультурных, технологических и политических сегментов.

Таким образом, **проблема** исследования может быть сформулирована в виде вопроса: каковы социально-философские основания и принципы обуславливающие механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна?

Степень теоретической разработанности темы. Многообразие подходов к определению консерватизма, его роли и места в современном обществе обусловлено многогранностью самого объекта исследования. Каждая из позиций фиксирует определенную сущностную черту и в этом смысле обладает эвристической ценностью.

Выбор источниковедческой базы работы во многом определен интересом к таким феноменам, как общество постмодерна и консервативное мировоззрение, которые активно обсуждаются в современной литературе.

Существующую литературу, формирующую подходы к изучению и восприятию консерватизма, можно разделить на три направления. Первое направление трактует консерватизм как набор идей и ценностей (Ф. Шатобриан, Э. Бёрк, Ж. де Местр, Г. Кальтенбрунер, Д. Алан, М. Оукшотт, Г. Рормозер). Второе направление рассматривает консерватизм как «ситуационную» идеологию (самый яркий представитель – С. Хантингтон), которая возникает как реакция на социальные изменения. Третье видит в консерватизме конкретное историческое течение, сложившееся как реакция на идеи Просвещения и Великой Французской Революции (К. Манхейм).

В России основы консервативной политической философии впервые были заложены Н. М. Карамзиным. В дальнейшем российский консерватизм наиболее ярко представляли К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев и С. Л. Франк. В современной России вопросами консерватизма занимаются Э. Ю. Абелинскас, К. С. Гаджиев, В.Н. Лескин, В. М. и Б. В. Межуевы, А. И. Неклесса, А. Н. Окара, Л. В. Поляков, М. В. Ремизов, А.А. Френкин, Е. Холмогоров и др.

Также отметим литературу, которая позволяет нам более глубоко проникнуть в сущность социальных изменений, происходящих в обществе постмодерна. Среди работ данного типа отметим таких корифеев постмодернизма, как Ж.-Ф. Лиотар, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Эко, П. Бурдьё, И. Хассан, К. Вульф, А. Греймас, М.Ю. Лотман, Р. Блакар, Н. Трифт, Д. Коэн, У. Эко, М. Фуко. Большую помощь в интерпретации постмодернистских взглядов оказали работы современного исследователя П. Андерсона.

Социально-философские обоснования сущности консервативной идеологии и заложенные в ней потенциальные возможности актуализации для общества постмодерна можно обнаружить в работах классиков консервативной идеологии, таких как Э. Бёрк, Г. Кальтенбрунер, Ж. де Местр, М. Оукшот, А. Токвиль и др. В этом ряду представляют интерес работы известных исследователей, принадлежащих к мировой политической мысли: С. Хантингтона, И. Валлерстайна, Г. Рормозера, Д. Белла, Ф. Уэбстера. Важное значение для теоретического осмысления данной тематики имеют труды Ю. Хабермаса, Дж. Грея, У. Хаттона, П. Бьюкенена, Л. Альтюссера, А. Тойнби, Ф. Фукуямы.

В диссертации были использованы наработки и развиты идеи тех отечественных и зарубежных авторов, которые в своих работах большое внимание уделяют изучению диалектических связей между политическим и эстетическим в обществе постмодерна. К их числу следует отнести таких авторов, как Ж. Рансеьер, Л. Ферри, Р. Филлипсон, А.А. Грякалов, Я. Буркхардт, Ф. Джеймисон и др.

Центральное место в изучении взаимопроникновения модернизации и консервативной идеологии занимают работы Ш. Эйзентштадта, В. Шлюхтера, Р. Инглхарта, П. Штомпки, Э. Гидденса и др.

Научное осмысление взаимосвязей общества постмодерна и элементов консервативного мировоззрения в отечественной литературе принадлежит Э. Ю. Абелинскому, А. Ю. Ашкерovu, А. Г. Дугину, К. С. Гаджиеву, С. Гаврову, А. А. Зиновьеву, А. Кокошину, А. М. Миграняну, В. Подороге, И. Б. Сокольской, В. Г. Федотовой, А. А. Френкину, А. И. Фурсову, Е. Холмогорову и др.

Работы вышеперечисленных авторов внесли значительный вклад в становление и развитие базовых идей консерватизма, в определение его места и роли в процессе развития общества, ввели его в круг объектов научного интереса социальной философии. Вместе с тем вопросы, связанные с социально-философской аналитикой места и роли консервативного мировоззрения в современном обществе в целом, и в частности механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна, крайне недостаточно представлены в отечественной литературе, чем и обусловлена актуальность данного исследования. В работе осуществляется попытка актуализации идеологием консерватизма применительно к реалиям общества постмодерна через выявление социально-философских механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения, что делает данную работу предметом социально-философского дискурса, направленного на изучение консервативной проблематики.

Таким образом, **объектом** данного исследования является консервативное мировоззрение. Предмет исследования – социально-философские механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения.

Цель работы заключается в осуществлении социально-философского анализа механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

Для выполнения поставленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить условия и причины востребованности консервативного мировоззрения в середине XX – начале XXI веков.
2. Обосновать актуальность основных консервативных установок в свете технологических и социокультурных трансформаций общества постмодерна.
3. Определить место консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма.

4. Выделить аксиологические, лингвистические и прагматические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретико-методологическая база научного исследования основана на методологии социально-философского анализа, который предполагает рассмотрение изучаемого объекта в контексте общественных отношений⁹. Выбор данной методологии позволяет исследовать консервативное мировоззрение с точки зрения его генезиса, воспроизводства социальных функций, которые оно выполняет в современном обществе. Инструментарий предлагаемой методологии позволяет эксплицировать сущность консерватизма как социально-философского течения и выявлять характерные особенности современного общества, сформированные под влиянием консервативного мировоззрения.

Выбор теоретико-методологических оснований исследования обусловлен рассмотрением консерватизма в рамках социальной онтологии, то есть понимание данной идеологии как сложного социального комплекса, внутри которого отводится место для построения как собственных экономических, политических моделей, так и особого стиля жизни, культуры и социальных установок. Такой подход обусловлен тем, что «в онтологическом аспекте анализ идеологии имеет дело с устойчивыми и одновременно лабильными структурами сознания и социальности.... В идеологии как целостной системе идей действует особая иерархия ценностей, ключевых обобщений, объяснить которые с позиций формально-логических не представляется возможным»¹⁰. Поэтому в рамках данной работы мы будем придерживаться холистического подхода (понимая консервативную идеологию как систему), который обеспечит наиболее полную и

⁹ Ушканова Р.Д. Методология социально-философского анализа в контексте истории философии / Р.Д. Ушканова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2007. – Т. 4, № 4. – 2007. С. 74-79.

¹⁰ Лукина Н. П. Специфика онтологического поворота в исследовании идеологии информационного общества [Электронный ресурс] / Н. П. Лукина // Гуманитарная информатика. – Вып. № 3.– Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://huminf.tsu.ru/jurnal/vol3/lnp_spec_onotlog_povorot/#top (дата обращения: 13.11.2014).

объективную экспликацию механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

В процессе исследования был использован исторический метод, в рамках которого рассмотрен генезис консервативной идеологии, проанализирована консервативная проблематика в обществе постмодерна, рассмотрена возможность актуализации базовых идей консерватизма в современных социальных реалиях.

Для оптимизации решения поставленных задач также применяется компаративный метод, который заключается в сравнении существующих концепций и подходов к ответу на вопрос о возможностях и перспективах существования консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

В работе также использован метод контекстуальной интерпретации, который позволил решить ряд задач по экспликации основных установок консервативного мировоззрения применительно к реалиям современного общества.

Комплексное применение всех перечисленных выше методов способствовало разработке общих концептуальных положений данного исследования.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Выявлены условия и причины востребованности консервативного мировоззрения в середине XX – начале XXI веков, которые заключаются в метафизических основаниях консерватизма, таких как идея богатства и уникальности человеческого бытия, идея истории и ценности индивидуального человеческого опыта в ней, ценность традиции и культуры, уважительное отношение к социальным институтам (семья, брак, образование, наука, религия), восприятие государства как суверенного национального образования.
2. Обоснована актуальность основных консервативных установок в свете технико-технологических и социокультурных трансформаций общества постмодерна. Сделан вывод о формировании нового типа социальной личности «человек- индивидуалист».

3. Осуществлена рефлексия причин и способов актуализации консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма, в том числе через диалектику категорий эстетического и политического.
4. Выделены аксиологические, лингвистические и прагматические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

Положения, выносимые на защиту:

1. Условия и причины востребованности консервативного мировоззрения в конце XX – начале XXI века связаны с формированием новых социальных тенденций. К их числу относятся: глобализация, переход от индустриального общества к постиндустриальному, попытка деидеологизации общества. Это потребовало доктрины, способной обеспечить духовное единство, стать мотивирующей и объединяющей силой, дающей связный образ нового типа социальной реальности, на роль которой может претендовать консерватизм.

2. Изучение общественных трансформаций в технологическом и социокультурном измерении позволяет сформулировать перечень проблем, оказывающих определенное влияние на мировоззрение и формы повседневной жизни индивида. В информационном (сетевом) обществе существует социальный запрос на формирование культурных, политических, социально-экономических поведенческих матриц, позволяющих индивиду адаптироваться к окружающей действительности. Это связано с тем, что в «сетях» появляется новый антропологический тип «сетевой индивидуалист»¹¹, который с точки зрения философской антропологии не похож на своих предшественников.

3. Рассмотрение консервативного мировоззрения не только через призму экономики и политики, но и с точки зрения культуры, дает возможность, во-первых, примирить консервативную идеологию как элемент эпохи модерна и существующее ныне общество постмодерна, во-вторых, осуществить рефлекссию

¹¹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

относительно того, каким образом актуализируется консервативная проблематика в социальной философии постмодернизма. Основанием для осуществления исследования в данном ключе является постмодернистское понимание консерватизма, а также выдвигаемая нами гипотеза о том, что постмодернистская философия и консервативное мировоззрение имеют общий интеллектуальный интерес к феномену культуры. Такого рода интерес выражается в том, что в культурном контексте постмодернистской философии, через анализ диалектической связи эстетического и политического, актуализируются идеи консервативного мировоззрения.

4. Формирование и воспроизводство ценностных установок консервативного мировоззрения в обществе постмодерна обусловлено рядом механизмов, лежащих в области аксиологии, лингвистики, прагматики. Аксиологические механизмы формируются с опорой на миф, содержание которого, позволяет воспроизводить значимые смыслы в любой период социального времени, и в ритуале, который способен не только повторять существующую традицию, но и оказывать влияние на формирование новых ценностных установок в будущем. Лингвистические механизмы формируются и закрепляются в сфере дискурса, который воспроизводит консервативные идеи с помощью системы лексикодов, свойственных консервативному языку, а также с помощью семиотической структуры мифа, который благодаря своей форме реализует воспроизводящуюся в языке структуру. Прагматические механизмы представлены как результат синтеза идей консерватизма и либерализма, позволяющего дать практическую технологию проведения общественных преобразований. В том числе через актуализацию концепта национального государства через эстетическую аргументацию, утверждающую взаимосвязь культурных и политических универсалий постмодернизма. Это способствует сохранению культурного многообразия, поддержания диалога культур и проведения благоприятных экономических реформ.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные результаты и материалы исследования значимы для совершенствования

социально-философских представлений о сущности консерватизма, которые могут быть использованы в научном дискурсе и просветительской практике.

Также материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе для преподавания и обучения по курсу социальной философии, для написания различного уровня квалификационных работ как для студентов специальности «философия», так и для студентов других гуманитарных направлений.

Принимая во внимание непростую геополитическую ситуацию, в которой оказались не только государства Европы и США, но и страны СНГ, в том числе и Россия, материалы и обобщения, содержащиеся в диссертации, могут быть полезны для качественной откалибровки «позитивных» (продуктивных) для общественного развития консервативных идеологий от экстремистских течений ультраправого толка.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были обсуждены на XX Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2013), Международной молодежной конференции, приуроченной к Симпозиуму им. Т.И. Заславской «Социальные вызовы экономическому развитию» (Новосибирск, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, 2014), а также опубликованы в журналах «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики», «Экономические и гуманитарные науки», «Вестник Томского государственного университета», входящие в перечень ВАК. Всего по теме диссертации опубликовано 10 авторских статей в различного уровня научно-исследовательских журналах.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, включает в себя введение, три главы, содержащие девять параграфов, заключение и список использованной литературы.

1 Историко-философская ретроспектива становления и развития классического консерватизма

В современных социально-философских традициях существует масса определений консерватизма, проанализировав которые, можно сделать вывод о том, что такое разностороннее и многослойное явление, как консерватизм, имеет смысл наделять только самыми общими и широкими характеристиками. В данном исследовании будет использоваться определение консерватизма, которое дал К. Манхейм в своей работе «Диагноз нашего времени». Он называет консерватизмом объективную мыслительную структуру и дает ей следующее объяснение: «это особая структура духовных и мыслительных факторов, которые не могут быть признаны независимыми от индивидуумов-носителей, поскольку ее производство, воспроизводство и дальнейшее развитие зависят исключительно от судьбы и спонтанного развития этих индивидуумов»¹². Данное определение значительно выходит за рамки политической науки и приближает консервативную идеологию к консервативному мировоззрению, понимая под мировоззрением «систему человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженную в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира»¹³. Термин идеология мы будем понимать «как систему, как сложный социальный комплекс, внутри которого вырабатываются собственная экономика, стиль жизни, система образования, культура и искусство, особый тип внутренней и внешней политики, методы пропаганды, характерные конфигурации сознания, специфическое мироощущение и соответствующий ему характер межсоциальных отношений, которые постоянно воспроизводятся в текстах, структурах, социальных

¹²Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. С.595.

¹³Ойзерман Т. И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 578. См. также Ойзерман Т.И. Избранные труды: В 5 томах / Т. И. Ойзерман / Составитель И.Т. Касавин. – М.: Наука, 2014.

действиях, ритмах, мифах, стереотипах и предрасположенностях»¹⁴. Поскольку в настоящей работе не ставится задача научного разведения данных философских терминов, то в ходе исследования они будут употребляться как синонимы.

В дополнение к определению К. Мангейма будем пользоваться трактовкой понятия консерватизм, которую дает К.С. Гаджиев: «Консерватизм – это система воззрений на окружающий мир, тип сознания и политико-идеологических ориентаций, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями»¹⁵. Такое сочетание и взаимодополнение двух определений кажутся нам наиболее продуктивным для полного раскрытия обозначенной темы работы.

Основанием трактовать консервативную идеологию как явление социальной онтологии служит его гносеологическая предпосылка. Такой предпосылкой является сама двойственная природа общественно-политического процесса. С одной стороны, он представляет собой эволюцию, развитие, отрицание старого, разрыв с прошлым и производство нового, а с другой, – он сохраняет и переносит в настоящее и будущее все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Анализ консервативной идеологии релевантны мысли О. Шпенглера об истории как о становлении и ставшем одновременно. Без одного процесса не может быть другого, они взаимосвязаны. Так и в консервативной идеологии, есть ядро, которое уже стало, и оболочка, которая постоянно становится в соответствии с происходящими в обществе изменениями. Важнейшие положения консерватизма, как отмечает К. С. Гаджиев, складывались и эволюционировали в качестве ответной реакции на изменения в противостоящих ему идейно-политических течениях, он своего рода идеологический хамелеон, суть та же, а окрас зависит от среды, в которую он попадает.

Следует отметить, что консерватизм – это специфическая онтологическая схема. Консервативную идеологию невозможно воспринимать только через призму политических идей, программ и лозунгов, она сама является

¹⁴ Лукина Н. П. Специфика онтологического поворота в исследовании идеологии информационного общества [Электронный ресурс] / Н. П. Лукина // Гуманитарная информатика. – Вып. № 3. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://huminf.tsu.ru/jurnal/vol3/lnp_spec_onotlog_povorot/#top (дата обращения: 13.11.2014).

¹⁵ Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор / К. С. Гаджиев. – М.: ИНИОН, 1999. С.6.

определенным мировоззрением, системой, через которую мир не только видится, но и благодаря которому строится. Это фундаментальная установка, имеющая свои корни в биологической природе человека. Настоящее свидетельствует о том, что в рамках данного исследования консервативная идеология и консервативное мировоззрение – равнозначные понятия, имеющие семантическую возможность синонимично заменять друг друга.

В данной главе исследования будет дана историко-философская ретроспектива становления и развития классического консерватизма. Для этого будут проанализированы базовые философские понятия, конституирующие консервативное мировоззрение, а также диалектическая взаимосвязь категорий, традиция и модернизация для актуализации потенциала консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Отдельно подлежит рассмотрению концепт государства в консервативной идеологии, так как данный феномен занимает не только одно из центральных мест в идеосфере консерватизма, но и имеет фундаментальное значение для развития всего социума.

1.1 Анализ базовых философских понятий, конституирующих консервативное мировоззрение

Исторической родиной появления консервативной идеологии является Франция. Впервые термин «консерватизм» был употреблен французом Ф. Шатобрианом и означал реакционную идеологию французской аристократии на события Великой французской революции конца XVIII века, критику идей Просвещения и апологию дворянско-клерикальных устоев французского общества. В этот же период идеи консерватизма занимают умы таких политических деятелей, как Э. Бёрк, С. Колридж, У. Вордсворт, Ф. Новалис, Ж. де Местр, Ф. Ламенне, Л. Вональд и др.

В XX веке консерватизм как идеология начал выражать интересы тех буржуазных кругов, которые выступали за сохранение свободы рыночных

отношений и сопротивлялись наступлению государственно-монополистического капитализма. Именно с XX века начинается академическое исследование консерватизма как феномена общественно-политической и экономической жизни социума. Формируются различные традиции понимания и интерпретации консервативной идеологии. Авторами ситуационного понимания консерватизма стали С. Хантингтон¹⁶ и Ф. Мейер, которые в своих работах трактуют консерватизм как систему идей, используемых для оправдания любой общественной структуры, независимо от её объективного значения и места в процессе социально-исторического развития. Марксистское понимание консерватизма¹⁷ заключалось в восприятии его в качестве тенденции, которая стабилизирует, упрочняет условия существования вытесняемых с исторической арены различных общественных слоев. В литературе принято идеологов консервативной мысли XX века разделять на интерпретирующих консерватизм в двух различных формах: как апологию существующих порядков, как ностальгию по утерянному социальному статусу.

С середины 70-х годов двадцатого столетия набирают популярность различного вида гибриды либерализма и консерватизма. На Западе (ФРГ, США и др.) к власти приходят так называемые неоконсервативные партии, чьи программы стали попытками вписать популярные либеральные идеи в канву консервативной идеосферы.

Воссоздав историческую ретроспективу генезиса консерватизма как самостоятельной идеологии, перейдем к анализу его сущностных черт.

Независимо от своей социально-философской и политической ангажированности всякое мировоззрение опирается на определенное понимание концепта человека, и консерватизм в данном случае не исключение. Поэтому логично начать рассмотрение сущностных характеристик консервативного мировоззрения с того, как именно оно отвечает на вопрос: что такое человек?

¹⁶ Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален / С. Хантингтон // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 84-93.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; Издание 2, Том 04. – М.: Политиздат, 1955. – 615 с.

Понимание человека в консерватизме пессимистично, поскольку человек – творение Бога, он ограничен в своих возможностях, ему даровано место, поменять или изменить которое он не в силах. Человек конечен, отмечается случайность его судьбы и жизненных обстоятельств, которые обуславливают его уникальность и одиночество. Человек по своей сущности слабое существо и поэтому нуждающееся в защите сильного государства и общества. В самой его природе заложено такое мироощущение, которое заставляет его выбирать ключевые основы своего отношения к жизни, принцип сохранения всего существующего в природе и обществе, человеку онтологически необходимо иметь принадлежность. Д. Лихачев писал: «Человек – существо оседлое, даже и тот, кто был кочевником, – для него тоже существовала «оседлость» в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других»¹⁸.

Каждый человек – часть общества, наделенный правами не сам по себе, а именно как его часть. В соответствии с этим утверждением «естественные права» человека «признаются консерватизмом до того предела, пока они не приходят в противоречие с «историческим правом», отражающим принятые в обществе нормы взаимодействия. Человек и общество рассматриваются в единстве, причем общество имеет примат по отношению к индивиду, права которого вытекают из обязанностей».¹⁹ Такое понимание границ личной свободы человека позволяет консерватизму воздвигнуть защитный барьер с целью сбережения общества от разрушения его индивидуализмом. В консервативной идеологии сама возможность социального равенства отвергается и считается несовместимой с понятием «свободы». Идея абсолютных прав человека развенчивается, ей противопоставляется необходимость рассматривать эти права лишь в контексте данной юридической или социальной системы. «Права отдельного человека носят одновременно и естественный, и социальный характер: естественный – потому что принадлежат человеку, созданному Богом в качестве части великого плана

¹⁸Лихачев Д. Прошлое – будущему. Статьи и очерки / Д. Лихачев. – Ленинград: Наука, 1985. С. 51.

¹⁹Сокольская И. Б. Консерватизм: идея или метод / И. Б. Сокольская // Полис. – 1998. – № 5. С. 55.

природы, а социальный потому, что человек может пользоваться этими правами лишь в организованном обществе».²⁰ Именно социальные группы (семья, церковь, корпоративные объединения и т.д.) становятся субъектами, наделенными правами политического действия, – это традиционные группы, которые в себе воплощают непрерывность. Отсюда для консерваторов истинная свобода – это свобода, дарованная народу обычаями и традицией. Цель общества – не придумывать «личные» свободы, которые приводят к всеобщей анархии, а в сохранении и защите уже существующих свобод, которые основаны на традиции и ее передаче следующему поколению.

Главным правом личности консерваторы считают право собственности. Так происходит потому, что частная собственность способствует увеличению производительных возможностей, а это в свою очередь способствует увеличению благосостояния общества в целом. Такое отношение к частной собственности базируется на неприятии консерваторами идеи социального равенства. В консерватизме считается естественным и законным лишь то общество, которое основывается на иерархической структуре, отдельные части которой обеспечивают жизнеспособность и целостность общественного организма, подобно тому, как отдельные органы человеческого тела – жизнеспособность и целостность всего организма. В противовес идее социального равенства консерватизм выдвигает идею равенства возможностей, которая предоставляет защиту от социальной несправедливости и декларирует духовное единство и равенство всех индивидов в обществе.

Еще в античной философии существовало представление о том, что человек по своей природе – социальное существо, так что его счастье невозможно без гармонизации его отношений с обществом. Идея общества как органической целостности – еще одна магистральная линия в консервативной идеологии. Согласно такому видению, «любое общество представляет собой целостный организм, все части которого находятся в тесной взаимозависимости друг от

²⁰Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор / К. С. Гаджиев. – М.: ИНИОН, 1999. С. 27.

друга, и поэтому попытки изменить какие-либо общественные институты чреваты разрушением всего организма».²¹ Это общество может изменяться, но в тоже время остается самим собой. Оно имеет сходство с живым существом, но не обязательно смертно. Если консерватизм перестанет выполнять функцию защиты общества, то он потеряет тот смысл, который заключен в его названии, и перестанет существовать как значимая для всего общества идеология²². Это еще раз свидетельствует о важности идеи целостности общества для идеологической структуры консерватизма. При необходимости выбора между индивидом и обществом консерватор ставит на первое место общество, которое исторически, этически и логически выше отдельного индивида.

Важное место в идеологии консерватизма занимает религия. Поскольку за основу нашего исследования взят западный вариант консервативной мысли, то при анализе религиозной составляющей консервативного мировоззрения мы будем обращаться к христианству как к религии, ставшей опорой консерватизма. Для консерватизма важен интеграционный потенциал религии, который исходит из постулата о ее всеобщности и функции некоего высшего хранителя культурных, социальных и политических ценностей, выступая метафизическими основаниями этого мировоззрения. Утверждается, что только через религию человек сохраняет связь с недостижимым в своей жизни, со случайностью своей судьбы, то есть за религией закрепляется ее антропологическая универсальная функция. Г. Кальтенбрунер пишет, что «когда жизнь лишается религиозного смысла или иных трансцендентальных ориентиров, тогда весь смысл жизни сводится к земному существованию».²³ А это приводит к тому, что люди думают только о том, как лучше прожить и какой ценой выжить, духовные идеалы исчезают, происходит возврат к одним лишь животным инстинктам и потребностям. В такой ситуации отношение индивидов к государству и обществу носит чисто утилитарный характер, и его критерий – удовлетворяет ли

²¹ Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор / К. С. Гаджиев. – М.: ИНИОН, 1999. С. 9.

²² Сокольская И. Б. Консерватизм: идея или метод / И. Б. Сокольская // Полис. – 1998. – № 5. – С. 48-58.

²³ Kaltenbrunner G.-K. Zur Krise der politischen Tugenden. «Handbuch zur Deutschen Nation» / G.-K. Kaltenbrunner. – Tübingen, 1987. S. 122.

государство, общество, культура личные, прагматические цели индивида или нет. Такое паразитическое отношение к социальным институтам, по мнению консерваторов, несет в себе их полное разрушение и деградацию самой личности.

Исходя из ранееупомянутого утверждения консерваторов об иерархичной структуре общества, особое место в этой структуре принадлежит Богу, который создал такой порядок вещей, в котором субъект должен занимать свое особое место и не пытаться что-то изменить. Видный представитель политической философии современного немецкого консерватизма Г. Рормозер одной из главных проблем современного общества называет проблему истощенности веры. Человек, отказавшись от веры, вследствие все более усложняющейся жизни испытывает «духовные перегрузки», становится рабом случайного стечения обстоятельств. Причем для Г. Рормозера неважно, выражается ли утрата веры в социальные идеалы или религиозные. Итогом и того, и другого будет утрата надежды и смысла жизни. Человек по определению нуждается в вере в некие абсолютные начала социальных, политических, нравственных идеалов. Причем такие идеалы должны быть именно высшими, поднимающимися над случайностью индивидуальных жизненных обстоятельств.

Культура, культурные доминанты занимают одно из главных мест во всех вариантах консервативной идеологии, именно на них базируется основная сущностная категория данного мировоззрения – традиция. Д. Лихачев писал: «подлинно новая культурная ценность возникает в старой культурной среде, ... нового самого по себе как самодовлеющего явления не существует»²⁴. С таким утверждением полностью совпадает взгляд консерваторов на культуру как то, чему принадлежат человеческие существа, являясь не единичными представителями человеческого рода, а именно причастными к определенным культурам. Культура в консервативной идеологии понимается как носитель национального начала каждого народа, его традиций, морально-этических ценностей, определяющих весь строй мировоззренческих и идейно-политических ориентаций людей. Именно из нее они черпают свою идентичность,

²⁴ Лихачев Д. Прошлое – будущему. Статьи и очерки / Д. Лихачев. – Ленинград: Наука, 1985. С. 78.

определенность, которая, как отмечает Дж. Грей²⁵, не есть определенность человеческого рода вообще, а нечто обусловленное конкретным, не выбираемым ими наследием истории и языка. Как отмечает автор, с консервативной точки зрения, смысл жизни человека постигается посредством знания, носителем которого выступает местное общество. Отсюда величайшая беда, которая только может выпасть на долю общности – это обесценивание традиционных верований (мифов, ритуалов, легенд и прочего, что наделяет смыслом жизнь ее членов) в ходе слишком стремительных или необдуманных культурных преобразований. «Рыночные институты будут способствовать благосостоянию человека и сохранят свою стабильность при жизни следующих поколений только в том случае, если они не будут противостоять природе питающих их культур, а напротив, станут содействовать воспроизводству этих культур». ²⁶ В существующих моделях консервативного общества наблюдается примат культуры над рыночными и политическими отношениями. Эти отношения не должны быть независимыми от культур, которым они служат, более того, они сами должны подвергаться верификации на предмет совместимости с нормами и целями той культуры, в рамках которой функционируют. В рамках современного развития общества такой взгляд на культуру является актуальным. Аргументы в пользу актуальности данной точки зрения состоят в том, что политика мультикультурализма на Западе исчерпала себя, на современном этапе развития ее существование становится невозможным, о чем свидетельствуют многочисленные проблемы, с которыми сталкивается западное общество. Это и появление национальных кварталов (которые медленно, но верно перерастают в национальные анклав) в европейских государствах, жители которых совершенно не стремятся встраиваться в существующие в стране порядки (это касается как изучения языка, законов, так и отношения к национальной культуре, традициям той страны, в которой находится национальный анклав), и все нарастающий цивилизационный

²⁵ Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей; пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др.; под общей ред. Г.В. Каменской. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.

²⁶ Там же. С. 210.

конфликт между культурными парадигмами христианского Запада и исламского Востока, и новая волна расовой дискриминации, порой доходящей до убийств, с новой силой распространяющаяся в США.

Культура как хранение и воспроизведение прошлого есть традиция. Традиция для консерватизма не что-то устойчивое, монолитное, а изменяющееся, подстраивающееся и встраивающееся в современное, сегодняшнее. «Традиция самостоятельно не существует, она каждый раз осуществляется заново».²⁷ В этом ее ценность и ее смысл, именно эта характеристика дает возможность консерваторам выбрать традицию как одну из своих сквозных, фундаментальных идеологических линий.

Традиция как ценность несет в себе еще одну идею – идею преемственности. Человек в традиции – это наследник и транслятор этого наследия одновременно. Как мы уже отметили, традиция, то есть «наследие», не монолитное неизменное образование, а подвижная структура. Благодаря таким ее свойствам люди могут воспринимать и принимать ее по-разному. Традиция как некоторая укорененность в культуре несет в себе ряд функций для поддержания жизни социума. Она служит аккумулятором социального опыта, причем не только механически накапливает ценности, а еще и преобразует и воспроизводит их. Человек должен сохранить и принять традицию, чтобы его социальное поведение соответствовало его интересам и интересам общества. Консерватизм как мировоззрение возникает непосредственно из ощущения, что человек относится к некой непрерывной и уже до него существующей природной и общественной реальности, что он укоренен в ней. Укорененность понимается здесь как критерий места и роли личности, стабильность и бесконфликтность социального развития, в ней проявляется соотношение свободы и авторитета, человека и мира, их совместное существование.

²⁷Абелинскас Э. Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология: опыт обоснования / Э. Ю. Абелинскас. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С.18.

Обращаясь к идеологу консервативного направления Э. Бёрку²⁸, мы обнаруживаем, что для него историческая традиция – это одна из ведущих консервативных ценностей. Именно она выступает индикатором легитимности власти, то есть именно та династия является королевской, той и принадлежит власть, которая может гарантировать обществу сохранение его исторических прав, воплощенных в традиции. С точки зрения Э. Бёрка, ценности народа воплощаются в традиции, он представляет ее как национальное открытие, отличительную особенность и главное достояние. Правда, характеризуя традицию, философ говорил исключительно о Великобритании, но представляется, что данные теоретические рассуждения универсальны и применимы к любой стране и народности. В работах Э. Бёрка встречается интересная и продуктивная идея об ограниченности авторитета традиции. По его мнению, государство, которое не в силах ничего изменить, не способно себя сохранить. Другими словами, естественным пределом опоры на традицию выступает потребность в частных изменениях ради поддержания жизнеспособности всей системы. Такая точка зрения позволяет отметить, что консервативная идеология не может быть простым синонимом традиционализму, что это живая идеологическая субстанция, которая готова изменяться, для того чтобы остаться неизменной. В предложенном варианте политической теории, традиции отводится роль неписаного общественного договора, который призван обеспечивать сохранение социальной преемственности и освободить общество от неподвижности раз и навсегда установленной модели. Традиция в данном контексте выступает не как жесткий регламент всех сфер жизнедеятельности, а постоянно обновляющийся и становящийся культурный образец.

Именно постоянно становящаяся традиция стала опорой консервативной идеологии: «консервативная мысль сосредотачивается на прошлом в той мере, в какой прошлое живет в современности»²⁹. Идея постоянно становящейся

²⁸ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию [Электронный ресурс] / Э. Бёрк. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php (дата обращения: 24.06.2014).

²⁹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. С. 611.

традиции продуктивна и в настоящее время. Уже сам термин «становление» дает индивиду гарантию в постепенности, безболезненности, антиреволюционности грядущих изменений. Именно он порождает устойчивость общественных отношений. Исходя из такой предпосылки, стоит отметить, что консерватизм – это единственная идеологическая конструкция, которая не имеет идеала совершенного общественного строя, не существует «консервативных утопий». Во многом это связано с восприятием общества как особой реальности, имеющей свою внутреннюю жизнь и очень хрупкую структуру. Поэтому его нельзя строить, его надо наблюдать, как врач наблюдает пациента, придерживаясь принципа «не навреди».

Постоянно становящаяся традиция влияет своей умеренностью и поступательностью движения на культурную динамику в целом и на социальную в частности. Современные политические партии все больше склоняются к поэтапным способам решения тех или иных государственных проблем. В последнее время наблюдается активный поворот электората в сторону проконсервативных политических направлений, этому примером могут служить результаты выборов в странах Европейского Союза и Северной Америки.

Проанализировав базовые философские понятия, конституирующие консервативное мировоззрение, представляется необходимым рассмотреть отношения консерватизма и либерализма, так как данные идеологии, начиная с момента своего появления, интеллектуально тесно связаны между собой. С нашей точки зрения уместно говорить о взаимовыгодном влиянии и синтезе этих двух идеологических позиций в современном обществе.

Для того чтобы более подробно разобраться в возможностях синтеза либерализма и консерватизма, обратимся к книге Г. Рормозера «Кризис либерализма».³⁰ Автор придерживается позиции о том, что либерализм с конца XX века находится в глубоком идейном кризисе, и что только синтез либерализма и консерватизма могут актуализировать либеральную идеологию в современном обществе. Для начала Г. Рормозер задается вопросом, не является ли либеральная

³⁰ Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер; пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с.

идея самодостаточной, ведь она несет в себе все основные ценности, присущие европейской культуре начиная с времен Античности, такие как демократия, права человека и пр.? Он говорит о том, что идея свободного рынка – камень преткновения и источник всех бед либерализма. Последовательный либерал считал, что логике рынка должно быть подчинено абсолютно все. Г. Рормозер же, отстаивая позиции консерватизма, говорит о том, что смертельно для общества было бы отдать во власть рынка духовные, нравственные, культурные ценности, так как если предоставить рынку полную свободу, он убьет и главное свое достижение – конкуренцию, и в конечном итоге, самого себя. В таких условиях, отмечает автор, только сильное государство может создать баланс сил и сохранить хрупкость социальной системы. Государство может не только создать рамки, предпосылки, условия для существования свободного рынка, но и создать относительное равенство шансов для конкурентов (антимонопольное законодательство, таможенная политика, система государственного заказа и пр.).

Основой идеологии либерализма, как отмечает Г. Рормозер, является правовое государство. Если государство не гарантирует правового порядка, то не может нормально функционировать и рынок. Равенство всех без исключения перед законом составляет основу правового государства, именно здесь обеспечивается разделение государства и общества, возможность плюрализма мнений, но все это возможно лишь при наличии определенной народной общности, национальной идентичности, народного духа, в противном случае поляризация и хаотизация разрушат общество. Права и свободы личности также важная часть взглядов либерализма, но при тотальной товаризации эти принципы перестают работать. Свобода и права, с точки зрения Г. Рормозера, ничего не значат, если государство своей властью не защищает права индивидов и их безопасность. Спорные вопросы решаются в суде, либеральное государство даже не обязывает индивида признать истинность этих решений, для него обязательно лишь их выполнение. И самое опасное, отмечает Г. Рормозер, что таким же образом происходит обсуждение вопросов, касающихся ценностей, религии,

культуры, нравственности, где решения принимаются простым безликим большинством.³¹

Диагноз, который ставит Г. Рормозер либерализму, пессимистичен: абсолютная необходимость либерализма не подлежит сомнению, но сфера его действий должна быть значительно ограничена. Либерализм функционирует успешно лишь при нормальном положении дел и при достаточно высоком уровне благосостояния. Для преодоления же кризисных ситуаций одного либерализма явно не достаточно. В своих постоянных попытках ограничить власть, перевести ее вправо, либерализм не умеет в итоге использовать эту власть, когда этого требуют чрезвычайные обстоятельства. Как отмечает Г. Рормозер, у либерализма нет своего политического мышления. С государством либерализм ограничивается лишь функциональными отношениями, он больше занят процедурами согласования интересов и регулирования. Декларируя как главную цель достижение согласия в обществе по основным вопросам, либерализм не может внести собственный вклад в духовную, культурную основу этого согласия. А либеральный плюрализм сам по себе общество сплотить не в состоянии, подчеркивает Г. Рормозер. Поэтому либерализм нужно укрепить духовно, не давая ему скатиться к анархизму, посредством его синтеза с консерватизмом. Г. Рормозер говорит о так называемом просвещенном консерватизме, «для которого человек – не только существо, озабоченное своим материальным благополучием, но и культурное существо. Человеку недостаточно одного лишь удовлетворения материальных потребностей и признания его как индивидуума. Он хочет также получить признание своей принадлежности к национальным и другим коллективам. То есть он нуждается в признании как культурное существо».³² Именно таким консерватизмом должен быть скорректирован либерализм как идеология современности.

Либерализм нуждается в существовании определенного противовеса в виде разумного и просвещенного консерватизма, который бы корректировал его,

³¹Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер; пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с.

³²Там же. С. 242.

постоянно поворачивал бы лицом к действительности. Либерализм, отвергающий такие коррективы, приводит себя к гибели, поскольку он отрицает все те силы и ценности, в которых он нуждается для обоснования смысла своей же собственной либеральной философии. «Слишком много либерализма в сфере культуры и политики и слишком мало - в экономике».³³ Представляется, что это утверждение должно восприниматься как лозунг, призывающий к синтезу консерватизма и либерализма, и вместе с тем как программа действий по достижению политического консенсуса между ними. Идеология либерализма имеет глубокие, хорошо разработанные принципы, прекрасно действующие в экономической сфере, консервативная же идеология просто незаменима для регулирования духовной сферы общества, вместе с тем консерватизм является самым сильным и незаменимым адептом идеи государства в политической философии. Именно такое разделение приоритетных сфер влияния обеих идеологий может сохранить актуальность консерватизма и дополненного либерализмом в XXI веке.

В данном разделе работы мы определили роль и место базовых философских понятий, конституирующих социальность в смысловом поле консерватизма. Так же было показано, что в консервативном мировоззрении большое внимание уделяется идее традиции. Исходя из значимости данного феномена для консерватизма, далее обратимся к анализу диалектики «традиции – модернизации», конституирующей онтологическую укорененность консерватизма в общественном бытии.

1.2 Диалектика традиции и модернизации в консервативном мировоззрении

Принято считать, что эпоха Модерна начинается с эпохи Просвещения в широких хронологических рамках и с Великой Французской Революции 1789 г. – в более узких. Именно здесь зарождаются основания для современных идеологических течений. Представляется, что современные идеологии

³³ Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер; пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. С. 10.

(консервативная, либеральная и социалистическая) зарождаются в это время, но при более детальном определении хронологической последовательности появления этих идеологий обнаруживается, что первой оказывается консервативная идеология. Главным образом она складывается как политическая программа, задача, которой «...либо (в жестком варианте) полное изменение положения, либо (в более сложном своем варианте) ограничение ущерба и максимально длительное сопротивление грядущим переменам».³⁴ На следующем этапе возникает либерализм, который провозглашает себя стоящим в оппозиции к консерватизму, на основании «осознания принадлежности к современности». Либералы боролись с консерваторами, «которые, как они считали, были охвачены страхом перед "свободными людьми", людьми, освобожденными от ложных идеалов традиции».³⁵ Это позволяет нам сделать вывод, опираясь на авторитетное мнение Г. Рормозера³⁶, что эпоха Нового времени всегда характеризовалась диалектическим взаимодействием прогрессивных и консервативных сил. Но при этом она не сделала консерватизм чем-то излишним, а напротив, впервые создала исторические предпосылки для консервативного мироощущения и мышления, и поставила их на повестку дня. Так, благодаря появлению оппозиции в лице либерализма, консерватизм, существовавший до этого латентно, реализовал себя через активное участие в политической жизни. «Сама современная эпоха [*речь идет об эпохе Нового времени – А.М.*] создала консерватизм в том смысле, как мы его сегодня понимаем, исторически необходимым в качестве обязательной инстанции контроля за ходом развития ... Так что консерватизм сам есть продукт эпохи Нового времени».³⁷

Говорить о том, что консерватизм не совместим с модернизацией бессмысленно, так как он является одной из идеологий эпохи модерна. Консерватизм и модерн возникают одновременно и синхронно изменяются.

³⁴Валлерстайн Им. После либерализма / Им. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 77.

³⁵ Там же. С. 78.

³⁶ Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер; пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с.

³⁷Рормозер Г. Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А. А. Френкин. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1996. С. 98.

Современность не однородна³⁸, существует много ее вариантов, соответственно можно говорить и о множестве вариантов консервативной идеологии, о возможности ее модернизации и синтезе с либерализмом.

В истории развития человеческой цивилизации можно найти множество примеров обществ, живущих без или почти без инноваций, но представить себе общество без традиций невозможно. По образному выражению Чернявской Ю., «традиция является тем архитектурным каркасом, на котором зиждется все здание этноса, а инновация, скорее, представляет собой крышу этого здания».³⁹ Традиция необходима для поддержания жизнеспособности социума, а инновация – для его развития и движения вперед.

Классические теории модернизации противопоставляли инновации традициям и считали, что инновации обязательно должны вытеснять, ломать, уничтожать традиции. В современных, неомодернизационных подходах, на смену антитрадиционалистским рефлексиям пришла установка на модернизационный потенциал традиции. Суть этих представлений, с точки зрения отечественного ученого А. Буранчина⁴⁰, заключается в том, что органичное принятие обществом инновационных экономических технологий возможно лишь в случае, если инновации вырастают из традиций. Исследования социологов⁴¹ показывают, что наибольшего успеха в модернизации добились те общества, в которых ценности гражданского общества и демократии были сильны еще в XIX веке и сохранились до наших дней в форме культурной традиции. Дэвид Ландес⁴², социолог и экономист, указывает на существование прямой зависимости между процветанием национальной экономики и такими качествами ее граждан, как

³⁸ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

³⁹ Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. [Электронный ресурс] / Ю. Чернявская. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/17.php (дата обращения: 04.08.2014).

⁴⁰ Буранчин А. М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект [Электронный ресурс] / А. М. Буранчин. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: <http://against-postmodern.org/buranchin-traditsionnoe-obshchestvo-i-modernizatsiya-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 14.12.2014).

⁴¹ См. например работу Патнэм Р. Чтобы демократия работала: Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – М.: Ad Marginem, 1996. – 254 с.

⁴² Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Р. Инглхарт, Д. Ландес, С. Линдсей и др.; Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002 – 315 с.

экономность и бережливость, трудолюбие, упорство, честность и терпимость – качествами, которые считаются традиционными и входят в категориальный аппарат консервативной идеологии. Эту точку зрения поддерживает и знаменитый английский социолог З. Бауман⁴³, говоря о том, что общество обречено на гибель, на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными. Социальный опыт западных стран показывает, что неуместно говорить об антагонизме в паре традиции – инновации, а уместно отметить нерациональность (невозможность) радикального отказа от существующей традиции в процессе исторического развития. Как пишет отечественный культуролог Костюк К. Н.: «Связка традиция – модернизация является элементом классической европейской модели развития. Здесь модернизация мыслится как инновационный процесс, базирующийся на традиции, устойчивой основе общества. Модернизация не отменяет и не деформирует традицию, а постепенно реформирует ее. Традиция, в свою очередь, не блокирует модернизацию, а ограничивает ее, приспособливая к существующим отношениям, и медленно приспособливается сама».⁴⁴ В результате такой органичной модернизации «общественное развитие выглядит как процесс постоянного плавного усовершенствования и смены социальных форм. В идеальном случае переход к обществу модерна происходит без революций. Жизнь традиций в обществе модерна ускоряется – они существуют лишь на протяжении жизни нескольких поколений, а не тысячелетия, как прежде. Но при этом они сохраняются в максимальном объеме. Идеальным примером этой модели является Англия XVIII–XIX вв. – традиционная, сдержанная, педантичная, в то же время раньше всех индустриализированная и более всех инновационная».⁴⁵

⁴³ Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

⁴⁴ Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс] / К. Н. Костюк. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html> (дата обращения: 05.05.2014).

⁴⁵ Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс] / К. Н. Костюк. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html> (дата обращения: 05.05.2014).

Отвечая на вопрос, как традиции существуют в современном обществе, мы будем придерживаться точки зрения Э. Гидденса⁴⁶, который считает, что традиции могут выражаться явно, обсуждаться и выбираться. Это приводит к плодотворному диалогу традиций и выбору обществом посредством нахождения консенсуса единой позиции по отношению к пути и направлению своего развития.

Таким образом, можно утверждать, что концепт традиции в том варианте, как его понимает консервативная идеология, не только прекрасно вписывается в современные модернизационные тенденции, но и служит особым проводником-связкой, обеспечивающей саму возможность инноваций.

Взгляд на понимание общества через диалектику традиции и модернизации также оказывается продуктивным для понимания сущности консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Консервативный подход основывается на целостном и максимально полном охвате социальной реальности. Во временной плоскости это выражается в необходимости учета долгосрочных исторических тенденций и исторической ответственности, то есть понимания и оценки последствий принимаемых решений в долгосрочной перспективе. В пространственном ключе это предполагает необходимость сбалансированного территориального развития с учетом межрегионального взаимодействия отдельных частей государства. В отношении устройства общества предполагается его рассмотрение как системы взаимодействующих и взаимозависимых элементов. При рассмотрении законов общественного развития это выражается в учете, наряду с материальными факторами и условиями развития, фактора ценности детерминации социальных процессов, то есть все сферы жизни человека являются производными от его духовных оснований.

Современная ситуация такова, что сам концепт общества ставится под сомнение, как отмечает М. В. Ремизов, «утрачивается ощущение самого общества

⁴⁶ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

как осмысленного и иерархически выстроенного космоса».⁴⁷ Понятие «общество» все чаще заменяется термином «социум», как более широким и менее идеологически ангажированным. С одной стороны, время империй и великих наций прошло, наступил век сетевых сообществ и малых групп, с другой, – культурно-психологическую и социально-политическую потребность в идентификации и коллективной принадлежности, которую не могут дать в полной мере сообщества, по большей части носящие нелегитимный характер, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. История развития человечества – это не только история научно-технических открытий, рационализации и прагматизации социально-экономической жизни, прогресса в осознании свободы и других ценностей демократического общества, но еще и история растраты накопленных ресурсов и потенциалов традиционного общества, таких как трудовая или семейная этика, примат общественного над индивидуальным, потенциал доверия и солидарности, религиозно определенный образ человека. Все эти и подобные им социальные опоры необходимы для успешной модернизации, но они не производятся ею самостоятельно, а, как правило, берутся из предшествующего социального опыта. Представляется, что в современных условиях консервативная идеология может стать поддерживающей и воспроизводящей силой описанных выше культурных тенденций, перенесенных из традиционной картины мира и социального опыта. Поэтому, говоря о модернизации, либо с точки зрения ее значения для общества, либо занимаясь поисками ее потенциальных источников, возможно опираться на то понимание общества, его ценностей и порядков, которое предлагается в консервативной идеологии. В этом случае модернизация будет иметь постоянно возобновляющийся источник своего существования, а также гарантию своей успешной реализации.

Место и роль религии для современного общества с точки зрения консерватизма, также могут быть определены через связку «традиция-модернизация». Далеко не все консервативные идеологи считают, что человека

⁴⁷ Ремизов М. В. Консерватизм и современность [Электронный ресурс] / М. В. Ремизов/ Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://www.intelros.ru/pdf/sinergiya/3_2010/2.pdf (дата обращения: 05.05.2014).

создал Бог, но то, что человека в его западном варианте создало христианство, это несомненный факт. О том, что христианство внесло большой вклад в становление современного человека, можно говорить в том смысле, в каком религиозная традиция и сопряженная с ней культура творят свой образ человека и свои стандарты человечности. По убеждению консерватизма, вне этого образа и вне этого стандарта человек как социальная единица не может существовать. Соответственно, религия – одна из важных доминант, обеспечивающих органический характер существования общества. Более того, она является источником духовной опоры модернизации. Религия и модернизация в современных условиях не являются чем-то оппозиционным и взаимоисключающим, наоборот, консервативная идеология, разграничивая сферы действия этих социальных феноменов, обеспечивает возможность их взаимосвязи и взаимовыгодного сотрудничества.

В данном разделе работы была осуществлена попытка экспликации фундаментальных идей консерватизма, составляющих метафизическое основание консервативного мировоззрения. Представляется, что перечисленные в разделе абсолютные смыслы, которые сопряжены с консервативным мировоззрением, такие как традиция, ценности, религия, семья, государство обеспечивают его релевантность вызовам, возникающим перед современным обществом.

1.3 Концепт государства в классическом консерватизме

В проблемном поле философии существует множество подходов к анализу одного из значимых социальных феноменов: государства как «политической целостности, созданной национальной или многонациональной общностью на определенной территории, где с помощью политической элиты, монополизирующей власть, поддерживается юридический порядок, включая законное право применения насилия».⁴⁸ Так, например, концепция общественного

⁴⁸ Василенко И. А. Государство //Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 546.

договора как основы государственного строительства восторжествовала в ходе Великой французской революции. В ходе этой революции и последующего становления общественных институтов было сформировано государство-нация с единой системой законодательства и единым государственным аппаратом для его исполнения, с равенством граждан перед законом и их правом участвовать в определении условий своего существования посредством выборов, а также других постепенно развивающихся институтов демократии, что ознаменовало собой появление современного государства. Параллельно со становлением современного государства происходит формирование теоретических установок по его интерпретации различными политическими идеологиями, в том числе консерватизмом.

Также отметим, что в данной части работы использовано понятие концепта, в том смысле, в каком оно представлено в работе Ж. Делеза и Ф. Гватари «Что такое философия?»: «Концепт определяется как структура, живущая по своим правилам и сосуществующая рядом с другими концептами. Философия же есть ... искусство формулировать, изобретать, изготавливать концепты». ⁴⁹ Такое понимание концепта дает возможность с помощью методологии социально-философского анализа эксплицировать модель государства в консервативной идеологии как объект для самостоятельного изучения.

Отношение консерватизма к государству как к «институту политической системы общества, организующей, направляющей и контролирующей совместную деятельность и отношения людей, общественных групп, классов и ассоциаций»⁵⁰ и связанных с ним институтов и ценностей носит амбивалентный характер. С одной стороны, с точки зрения консерватизма, государство – это источник и защитник закона и морали как от внешних, так и от внутренних посягательств. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. С другой же стороны, оно не должно выходить за рамки «ночного сторожа» и мешать обществу самому регулировать свои внутренние отношения с

⁴⁹ Делёз Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гватари. – СПб.: Алетейя, 1998. С. 10.

⁵⁰ Аверьянов Ю. И. Государство / Ю. И. Аверьянов / Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 65.

помощью традиций и обычаев. Его прерогатива – следить за выполнением взаимных обязательств, находясь в границах «между деспотизмом морали и деспотизмом толпы».⁵¹

Государство в понимании консервативной идеологии – это то, без чего невозможно осуществить ни порядок, ни справедливость, ни внешнюю безопасность, ни внутреннюю солидарность. Государство включает в себя высшую законность и является защитником свободомыслия. Оно важнейший инструмент политики, оно не пренебрегает ничем, что укрепляет стабильность общества. По мнению консервативного мыслителя М. Дебре, «государство должно уметь отдавать приказы и во имя родины может даже потребовать человеческих жертв; государство находит свое высшее оправдание в том, что оно выполняет роль часового, хранителя, наблюдателя, но также и решительного защитника интересов отдельного индивида».⁵² В современных условиях все большую популярность и значимость приобретает то государство, которое может применить силу. Именно потенциальная возможность применить силу делает государство защитником и гарантом свобод своего народа. Причем все чаще сила рассматривается не как грубое физическое вмешательство в дела гражданина или другого государства, а как сила, основывающаяся на авторитете и обладании «символическим» капиталом в терминологии П. Бурдьё⁵³.

Следует отметить, что консервативной идеологии присуще представление об органическом характере не только общества, но и государства. Э. Бёрк⁵⁴ считал, что государство – это некая постоянно существующая органическая целостность, и в то время как отдельные его части, составляющие эту целостность, появляются и исчезают, она сама остается неизменной. Э. Бёрк, отвергая революционный подход к преобразованию государства, пишет о том, что

⁵¹Сокольская И. Б. Консерватизм: идея или метод / И. Б. Сокольская // Полис. – 1998. – № 5. С. 55.

⁵² Цит. по: Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор / К. С. Гаджиев. – М.: ИНИОН, 1999. С. 40.

⁵³ Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с фр., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

⁵⁴ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию [Электронный ресурс] / Э. Бёрк. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php. (дата обращения: 24.06.2014).

к недостаткам государства реформатор должен подойти «как к ранам отца, с благочестивым благоговением и трепетной заботливостью».⁵⁵

В современных социокультурных условиях наблюдается упадок моральных, нравственных, этических, правовых и прочих ценностей, в этой связи консерваторы именно в лице государства видят единственного субъекта, который, базируясь на легитимных основаниях своей власти, может повлиять на развитие ситуации. Оно сможет не только защитить, но и возродить все быстрее покидающие наше общество культурные ценности, тем самым, укрепив свое положение как политического субъекта. В этом же ключе мыслит и И. Валлерстайн⁵⁶, когда говорит о том, что распад государственности несет с собой массу глобальных проблем от крайней радикализации отношений Север – Юг до распространения новых смертельно опасных для человека заболеваний.

Еще одна функция, непосредственно связанная с государством, отражающая одну из его онтологических характеристик, – функция государственного управления, а точнее, представления о нем в рамках консервативной идеологии. Следует отметить, что тема государственного управления не является основной для нашего исследования, но представляется, что краткое изложение одного из ее вариантов поможет уточнить позицию, отводимую государству в консервативной идеологии.

Приведем точку зрения, которой придерживается М. Оукшот⁵⁷, один из виднейших идеологов консервативной мысли XX века. С его точки зрения, главная задача консервативного правительства заключается не в определении направления деятельности своих граждан, не в побуждении их к действиям, не руководство ими таким образом, чтобы исключить возникновение конфликтов между ними, а лишь только в том, «чтобы управлять». Автор отмечает, что вся

⁵⁵ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию [Электронный ресурс] / Э. Бёрк. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php (дата обращения: 24.06.2014).

⁵⁶ Валлерстайн Им. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя [Электронный ресурс] / Им. Валерстайн. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: <http://expert.ru/expert/2009/35/vallerstain> (дата обращения: 29.03.2014).

⁵⁷ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

деятельность правительства может быть сведена к двум ролям: либо рефери, чье дело следить за правилами соблюдения игры, либо председателя, который руководит дебатами в соответствии с принятыми правилами, но лично в них не участвует. Такое понимание государственного управления основывается на том, что управление – это преходящее условие человеческого существования, что человек сам ответственен за сделанный им выбор, и его отличие от правителя лишь в том, что на правителе лежит груз ответственности за сохранение традиции и наблюдение за правильным ее воплощением. Поэтому, считает М. Оукшот, правительству следует признавать существующее разнообразие мнений и видов деятельности, а не навязывать подчиненным ему людям собственные представления о лучшем устройстве. «Мечты правителей ничем не лучше тех, на которые способен любой другой человек; и если утомительно даже выслушивать пересказ чужих грез, то претворять их в жизнь вопреки собственной воле и подавно не выносимо»⁵⁸. Задача правительства как раз оградить общество от тех людей, которые пытаются навязать свои «мелочные недовольства». Согласно консервативному пониманию, вся работа правительства должна осуществляться при искреннем признании им права на существование за всеми существующими убеждениями и за всеми имеющимися видами деятельности – на том лишь основании, что они уже существуют. Это очень важное замечание, которое говорит о том, что для консерватизма правление начинается не с представления об ином, непохожем на нынешний, более совершенном мире, а с наблюдения за тем, что творится в настоящем, уже существующем мире. Следствием такой позиции является рассмотрение правительственной инициативы не самой по себе, а действующей в рамках культурной традиции, и ориентированной при этом на установление мирного баланса сил, а не на поиск истины и совершенства. Этот факт является еще одним ответом на вопрос, почему не существует консервативных утопий.

⁵⁸ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. С. 83.

Как отмечает М. Оукшот⁵⁹, процесс управления в модели консервативного государства направлен не на личностей, а на деятельность, причем всевозможные виды деятельности интересуют управление лишь в той мере, в какой они могут вступать между собой в противоречия. Отсюда, главной обязанностью правительства является «не разжигание страстей и не подливание масла в огонь, а охлаждение горячих голов, ограничение appetites, умиротворение и примирение конфликтующих сторон – правительство должно не раздувать, а тушить пожар желаний». ⁶⁰ Правительство в рамках государства должно совмещать в себе рычаги регулирования скоростей движения отдельных частей государства и тем самым не позволить ему развалиться на куски.

Опираясь на ранее изложенное, приходим к выводу, что модель государства в консерватизме имеет ярко выраженные черты национального государства. Остановимся подробнее на характеристиках национального государства, чтобы затем ответить на вопрос: «Совпадает ли концепт государства в консервативной идеологии с моделью национального государства или нет?»

Современный немецкий философ Ю. Хабермас⁶¹ отмечает, что даже если некоторые государства сегодня и напоминают древние империи (Китай), города-государства (Сингапур), теократии (Иран) или племенные организации (Кения), или же если в них проявляются черты семейных кланов (Сальвадор) или мультинациональных концернов (Япония), то члены Организации Объединенных Наций все равно образуют объединение национальных государств. Эта модель устройства государства, возникшая благодаря Вестфальскому миру и череде революций во Франции и Америке, распространилась по всему свету. И именно она стала ареной социальных экспериментов, проводимых всеми крупными идеологическими течениями последних двух столетий, от консерватизма до социализма.

⁵⁹ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

⁶⁰ Там же. С. 87.

⁶¹ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии / Ю. Хабермас // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 105–152.

Современное национальное государство возникает в рамках теории общественного договора как государство, наделенное суверенитетом на определенной территории и объединяющее на этой территории общность людей (народ), который идентифицирует себя с самим государством. Мы будем использовать такое определение национального государства для того, чтобы опираясь на него разъяснить содержание концепта государства в рамках консервативной идеологии.

Само понятие национального государства впервые появилось в трудах философов эпохи Просвещения⁶² и было тесно связано с идеей общественного договора: «...государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁶³. Следует подчеркнуть, что сторонники консерватизма резко критически относятся к восприятию государства как результата общественного договора между преследующими свои интересы, но находящимися в догражданском обществе людьми, главными из которых было сохранение своей жизни и собственности. С точки зрения консерватизма, побудительным мотивом к созданию государства являются любовь и привязанность друг к другу, общие ценности, выражаемые в разделяемой всеми социальной философии. И как раз естественным является состояние человека в хорошо организованном обществе, а не в модусе войны «всех против всех». Такая позиция еще раз подтверждает понимание государства как органической целостности, которую нельзя создать «механическими» способами.

Поскольку государственная территория очерчивает сферу действия законным образом санкционированного правопорядка, то государственную принадлежность целесообразно определять через территорию государства. Под суверенитетом в политической науке понимается важнейший признак государства, выражающийся в его полной самостоятельности, то есть

⁶² См. работы таких философов эпохи Просвещения как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм и др.

⁶³ Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. С. 119.

верховенстве во внутренней и независимости во внешней политике. Большая часть современных национальных государств возникла в условиях войн. Они имели возможность сохранить себя только потому, что обладали достаточной силой для своей защиты. В понимании консерваторов государство обладает не только политическим, но и историческим, традиционным правом на свою территорию, а значит и суверенитетом. «Статус суверенитета обеспечивается фактически подлежащей доказательству автономией государственной власти. Эта автономия измеряется по способностям государственной власти защищать границы от внешних врагов и поддерживать внутри страны «закон и порядок».⁶⁴ В данном аспекте уместно говорить о так называемом «реальном суверенитете». Это понятие введено отечественным исследователем А. Кокошиным в его работе «Реальный суверенитет» и означает «способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонительную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т.п.».⁶⁵ А так как в современном мире вопросы войны и мира в большей мере касаются всего общества и затрагивают интересы всех его членов, то нам представляется, что именно таким образом понимается идея суверенитета государства в консервативной идеологии.

В границах территории государства складывается народ государства, точнее нация как единство людей, проживающих на одной территории и связанных общим прошлым, настоящим и будущим. Культурные символы «народа», как отмечает Ю. Хабермас⁶⁶, заручающиеся предположительно общим происхождением, языком и историей своего уникального характера (все это называется его «народным духом»), в любом случае порождают некое воображаемое единство и благодаря этому способствуют осознанию жителями одной и той же государственной территории их взаимопринадлежности, до сих

⁶⁴Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии / Ю. Хабермас // Логос. – 2003. – № 4–5. С. 110.

⁶⁵Кокошин А. Реальный суверенитет / А. Кокошин. – М.: Европа, 2006. С. 49.

⁶⁶Хабермас Ю. Политические работы. / Ю. Хабермас; сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

пор остававшейся абстрактной и опосредованной лишь юридически. Только символическое построение «народа» превращает то или иное государство в государство национальное. Именно на создание нации, принадлежащей к культурной, социальной, политической традиции, и нацелена деятельность консервативной идеологии в рамках государственного правления. Представляется, что самое емкое определение консервативной позиции в отношении нации было выражено в работах немецкого ученого А. Мюллера, который дал ее определение как «хрупкого общества, долгой череды прошедших, настоящих и будущих поколений..., проявляющейся в общем языке, обычаях и законах, в переплетении разнообразных институтов использования имений..., в старых фамилиях и в конечном счете в одной бессмертной семье... государя».⁶⁷ Такое определение говорит о том, что консерватизм подходит к нации не как к статическому, а как к динамическому, вневременному феномену социального бытия человека. Идея нации напрямую сопряжена с потребностью в идентичности человека. Именно такое понимание нации дает возможность конечному, находящемуся в плену судьбы человеку найти защиту, поддержку среди таких же, как и он, путем создания общества. Нация становится хранительницей некоторого набора непрерывно обновляющихся качеств, воплощающих в себе онтологическую возможность идентичности индивида. Национальная идентичность – явление многослойное и достаточно запутанное. Она содержит в себе как положительные стороны: является основанием для патриотизма, национального единства, так и отрицательные: на ее основе может развиваться крайний национализм, фашизм, идеи расового превосходства. Но везде национальные государства влияют на становление идентичности человека, конструируя для него мифическое прошлое из легенд и литературных образов, поддерживая традиции и культуру, формируя образы будущего, врагов и друзей. Роль хранителя национальной идентичности отведена государству, а механизмы ее хранения и трансляции – консерватизму. К таким механизмам можно отнести коллективную память, которая может выражаться в традиции, мифологизацию

⁶⁷ Müller A. H. Die Elemente der Staatskunst / A. H. Müller. – Wien und Leipzig, 1922. – T. 1. S. 145.

прошлого, которая выражается в постоянном обращении к значимым историческим событиям, одиозным историческим деятелям, и конструирование через миф образа будущего.

Проведя краткий анализ основных характеристик модели национального государства с консервативной точки зрения, отметим, что концепт государства, формулируемый консервативной идеологией, развивается в рамках модели, идеалы которой задаются сущностными характеристиками национального суверенного государства.

Привлекательность консерватизма как мировоззрения для современного социума, с нашей точки зрения, обусловлена своими социально-философскими составляющими, идейное содержание которых можно сформулировать следующим образом.

Идея суверенного национального государства воспринимается как идея профессионального менеджера, в задачи которого входит организация, в соответствии с идеей прямого невмешательства, рассеивание властных структур во всех слоях общества. Это государство имеет легитимную возможность применять силу в случаях угрожающих нормальному функционированию общества. В данном контексте уместно сравнение государства и античного «бога из машины», который появляется только тогда, когда общество заходит в тупиковую ситуацию и не видит выхода из нее. Государство предстает социальным гарантом, и это проявляется в том, что, с одной стороны, оно стоит на защите человека от себе подобных индивидов, а с другой, – на защите общества от разрушения его человеком.

Формулировка идеи нации не как коренного народонаселения конкретной территории, а как культурного конструкта, который может объединять в себе сколько угодно народностей и вместе с тем иметь одни культурные, исторические, нравственные традиции, хранителем и защитником которых и является государство, отвечает идеалам консерватизма. «Дух народа» является первичным для консервативной идеологии, именно на его сохранение и

воспроизводство с опорой на традицию и должны быть направлены все силы общества.

Представление консерватизма об идее национальной идентичности исходит из того, что государство является гарантом сохранения и воспроизводства традиции. Поэтому оно обеспечивает условия существования национальной идентичности, которая заключается в отождествлении индивидом себя с той территорией, культурой, традицией, «народным духом», на которой он проживает. Именно национальная идентичность дает возможность индивиду ощущать чувство принадлежности к обществу. Представляется, что юридической стороной национальной идентичности является институт гражданства, гарантирующий индивиду защиту государства.

В данной главе был проведен социально-философский анализ консервативного мировоззрения, в результате которого были выделены базовые консервативные идеологемы. Анализ консервативного мировоззрения осуществлялся в том числе через диалектику категорий традиции и модернизации, что дало возможность актуализировать консервативные установки применительно к современному этапу общественного развития. Кроме того, в данном разделе работы была определена роль и место, которое занимает концепт государства в консерватизме. Также показано, что государство в консервативной идеологии мыслится как национальное суверенное государство. Осуществленная аналитика способствовала экспликации основных консервативных идей и определения их актуальности применительно к интерпретации современной действительности. В следующем разделе работы будет предпринята попытка исследования консервативного мировоззрения в контексте категориального анализа номинаций современного общества.

2 Актуализация консервативной проблематики в философии постмодернизма

Термин «общество» – один из самых разноплановых и многогранных в области гуманитарного знания. Практически с момента своего появления философия предлагает различные определения данного феномена. Каждая эпоха в развитии человечества, будь то Средневековье или Новое время, имела свои представления об обществе. Современные исследователи также оставили свой след в истории понимания данного термина. Представляется, что одно из самых продуктивных определений общества принадлежит польскому исследователю, ставшему классиком современной социологии – П. Штомпке. Следуя этому автору, обратимся к его определению общества как «своеобразного вида действительности, заявляющего о себе самыми разнообразными способами в различных коллективах, совокупностях, группах, формирующихся на разных уровнях».⁶⁸ В своей сущности общество складывается из двух фундаментальных аспектов. Первый – «система», в которую упорядочиваются общественные институты. Второй – «жизненный мир», который складывается из спонтанных практик и значений, имеющих признание у членов той или иной группы. Все наиболее значимые изменения начинаются в «жизненном мире» и постепенно приводят к изменению «системы». После завершения очередной волны мутаций в этих двух аспектах общество переходит на следующий (новый) этап своего существования. С точки зрения П. Штомпки, «общество является динамическим процессом, в ходе которого люди своими действиями создают и воспроизводят контекст собственного существования, то есть те социальные структуры, которые в свою очередь становятся исходными условиями организационного или стимулирующего характера дальнейших действий».⁶⁹

Обществу как сложному «динамическому процессу» не свойственен линейный тип развития, одновременно можно зафиксировать множество

⁶⁸Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 25.

⁶⁹Там же. С. 546.

направлений, по которым происходят разного рода трансформации. Среди них есть два базовых направления, обеспечивающих перманентность общественного развития – социокультурное и технологическое. И если социокультурное измерение общественного развития явно отсылает исследователей к теориям постмодернизма, то с технологическими тенденциями не все так однозначно. Представляется, что становление и развитие идей постмодерна часто связывают с событиями, происходящими исключительно в области искусства, науки, философии, это приводит к тому, что за рамками рефлексии остается такой значимый фактор для становления и развития постмодернистских установок, как трансформация производственной сферы. Изменения, происходящие в области этой сферы, наиболее адекватно описываются теорией постиндустриального (информационного) общества.⁷⁰ Представляется, что теории постиндустриального общества возможно рассматривать в качестве одной из социологических доктрин, выражающих постмодернистское мировоззрение⁷¹. Поэтому рассмотрение теорий информационного общества в рамках данного исследования позволит концептуально дополнить философию постмодернизма идеями, связанными с развитием информационных технологий.

В данной главе исследования будет рассмотрена возможность актуализации консервативной проблематики в философии постмодернизма. Для этого будут проанализированы технологические и социокультурные трансформации современного общества в парадигме постмодернизма. Кроме того, предметом исследования в данном разделе работы будут являться непосредственно причины и способы актуализации консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма.

2.1 Категориальный анализ номинаций современного общества: от модерна к постмодерну

⁷⁰ См. работы Д. Бэлла, Д. Рисмана, А. Тоффлера, З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, А. Турена и др.

⁷¹ Емелин В. Постиндустриальное общество и культура постмодерна / В. Емелин // Философские науки. – 1998. – № 1. – С. 3-17.

Общество отличает постоянное стремление к изменению, оно находится в перманентном состоянии развития. Причем развитие в данном ключе плохо поддается оценочным характеристикам. Говоря о постоянном развитии общества, мы говорим не о прогрессе или регрессе, а о развитии как самоцели, о том, что в терминах классической философии называется «чистым развитием». За свою тысячелетнюю историю общество не раз в своем развитии проходило определенные вехи, называемые сегодня «точками бифуркации», по характеристикам которых можно дать более ли менее объективную оценку, а заодно и названия тем хронологическим отрезкам, из которых складывается история в сегодняшнем ее понимании. Человечество, а следовательно, и общество (преимущественно в европейском его варианте), поступательно двигалось по «оси времени»⁷²: от Античности через Средневековье и Возрождение к Новому времени и Эпохе Просвещения. Начиная с середины XIX в., процесс периодизации общества становится все более затруднительным. Это связано не только с тем, что названия предыдущих эпох давались *postfactum*, что обеспечивало возможность более объективно взглянуть на ушедшее время, но и с тем, что значимых направлений развития общества становилось все больше, и унифицировать эпохи становилось все сложнее. В такой терминологической неоднозначности общество находилось до XX века, когда стало невозможным жить во времени без названия, так как ощущалось веяние совершенно новых, ранее невиданных трендов развития общества, которые требовали немедленного определения их законного места в семантических конструкциях. Начиная с XX века, в философской литературе закрепляется название новой эпохи как эпохи Модерна, связанной с появлением национального государства, политических идеологий, капиталистического общества, рыночной экономики, развитием техники, а также мировыми войнами и искусством авангарда. Вплоть до 60-х годов XX века философы и социологи практически не предпринимали новых попыток квалификации современной эпохи.

⁷² Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

С 60-х годов ситуация изменилась, и вот уже более полувека одна из господствующих точек зрения в философии считает, что современный этап развития общества, длящийся по настоящее время, следует называть эпохой постмодерна. Проблема заключается в том, что в литературе до сих пор нет единого мнения по поводу того, что конкретно понимается под постмодерном. Считается, что сам термин «постмодерн» был введен в научный лексикон А. Тойнби⁷³ в его фундаментальном труде «Постижение истории» и означал определение того времени, когда старые ценности перестают быть актуальными, когда понятия семьи, государства, нации перестают быть краеугольными камнями европейской культуры. Тойнби стал родоначальником интеллектуальной традиции негативного восприятия постмодерна, как того, что «меньше» модерна, беднее и примитивнее, а в содержательном плане определил этот процесс как переоценку всех ценностей.

Реабилитация постмодерна начинается с трудов И. Хассана «Постмодернистский поворот»⁷⁴, Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодерна»⁷⁵ и других авторов, занимающихся теоретическими изысканиями в области современной архитектуры. Теперь взгляду архитектора «открывается вид на широко раскинувшийся ландшафт, уже не определяемый горизонтом универсальности или универсализации, всеобщего освобождения». ⁷⁶ Именно благодаря появлению абсолютно новых направлений в архитектуре и происходящему на этом фоне философскому переосмыслению категории социального пространства, стало возможно говорить о качественно ином состоянии общества. Постмодернистские тенденции, берущие свое начало в архитектуре, также нашли свое подкрепление в изобразительном искусстве и кинематографе. Появление цветного кино стало водоразделом модерна и

⁷³ Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 640 с.

⁷⁴ Hassan I. The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture / I. Hassan. – Ohio State Univ Pr (Txt), 1987. – 288 p.

⁷⁵ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс; пер. с англ. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.

⁷⁶ Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смысле «пост». После времени: французские философы постсовременности [Электронный ресурс] / Ж.-Ф. Лиотар// Иностранная литература. – 1994. – № 1. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://philosophy.ru/upload/1159281498_file.htm (дата обращения: 06.11.2014).

постмодерна⁷⁷ в искусстве, а распад метанарративов, онтологический и лингвистический повороты дали возможность концептуально разделить модерн и постмодерн в философии. В полном объеме постмодерн ставится на «повестку дня» в работах Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса, которые говорят о делегитимизации больших пространств (Лиотар) и о колонизации жизненного мира (Хабермас) как о двух характерных чертах постмодерна. Представляется, что два знаковых идеолога постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон дают одни из значимых по своей эвристичности определений постмодерна как «состояния культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»⁷⁸ и как «периодизирующего концепта, чья функция - сопоставлять появление в нашей культуре новых формальных особенностей с появлением нового типа социальной жизни и нового экономического порядка, того, что часто называют по-разному: модернизацией, постиндустриальным, или потребительским, обществом, обществом масс-медий или спектакля, транснациональным капитализмом».⁷⁹ Оба автора определяют постмодернизм через доминанту культуры, в свете этого представляется, что интерпретация постмодерна сквозь призму культуры дает возможность нестандартного взгляда на генезис социума в целом, так как именно культура является связующим звеном для существования и развития отдельных сфер жизнедеятельности общества.

Постмодерн принято понимать как «культурное поле, заданное тремя новыми историческими системами координат»⁸⁰. Первая система координат напрямую связана с упадком аристократического порядка, который являлся господствующим до окончания Второй мировой войны. Буржуазия утратила свою силу как социальный класс, но вместе с тем осталась хранительницей особой

⁷⁷ Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон; пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.

⁷⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб., М.: Алетей; Институт экспериментальной социологии, 1998. С. 9.

⁷⁹ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 04.05.2014).

⁸⁰ Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон; пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. С. 108.

коллективной идентичности и культурных кодов. Капитализм как экономическая установка модерна движим жадой прибыли и разрушает на своем пути любые устои ради материальной прибыли. Вместе с тем именно капитализм «критически зависит от докапиталистических (по сути – аристократических) ценностей и поведения в сохранении самого себя как политического и социального порядка».⁸¹ Данная система перестала работать после оформления Европейского сообщества в формализованную структуру. В эпоху постмодерна место буржуазии заняла прослойка менеджеров, брокеров, риэлторов и прочих представителей современного капитала, которая не ориентирована на конкретную общность и полностью игнорирует идентичность. Исчезновение аристократии ведет к трансформации публичной сферы постмодерна, которая заключается в демократизации манер и раскрепощении нравов, то есть в культурном упрощении и огрублении.

Вторая историческая система координат постмодерна – эволюция техники. Происходит технократизация искусства, образы машинерии увлекают постмодерн, что ранее не было характерно для модерна. Технологический и научный прогресс после Второй мировой войны принимает угрожающие формы, когда постоянные технические усовершенствования привели к созданию ядерной бомбы и демонстрации ее реальных возможностей. Появление телевидения полностью перевернуло представления общества о возможностях коммуникаций, а государство, в свою очередь, получило одно из самых мощных орудий ведения информационных войн. Телевизор становится не столько механизмом генерации новой, сколько передатчиком «нужной» информации. Общество вступает в новый этап социальной мифологизации⁸². Визуальную информацию индивиду легче воспринимать, чем печатную. В «правильно» подобранные образы, эффективнее заложить «правильные» сообщения и довести их до сознания широких масс, нежели заставить читать свежую прессу или более объемную литературу.

⁸¹Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон; пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. С. 108.

⁸²Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. сл. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.

Появление цветного кино дает широкому зрителю образы будущего, формируя его желания и предпочтения. «Американская мечта» является наглядным примером использования технологий масс-медиа в заранее определенных идеологией целях.

Последняя система координат, определяющая сущность постмодерна лежит в политических изменениях эпохи. Начавшаяся после знаменитой фултонской речи У. Черчилля холодная война на долгие десятилетия заморозила границы и подавила (в первом приближении) настроения левого толка в Европе. Это отразилось на интеллектуальном творчестве. Авангард начинает сходить со сцены современного искусства. «Именно для этого периода, когда большинство из великих экспериментов казались завершенными, стало типичным использовать термин «модерн» в качестве всеобъемлющего для обозначения канона классических произведений, на которые равнялись современные критики».⁸³ Тогда же сила традиционных моральных устоев, регулирующая отношения между поколениями и полами, начала ослабевать. После распада биполярного мира, происходит всемирный триумф капитализма, что приводит к исчезновению как политических, так и социально-экономических альтернатив и выходу холодной войны на новый, информационный уровень. С точки зрения Ф. Джеймисона, модерн подошел к концу, когда был утрачен последний антоним⁸⁴. Потенциальная возможность альтернативного социального порядка служила горизонтом развития модерна, когда ее не стало, наступило новое, безальтернативное время эпохи постмодерна. О том же говорит в своих работах Им. Валлерстайн⁸⁵, предлагая мир-системную модель устройства современного общества. Пока существовало противоречие между социализмом и капитализмом, мир жил в балансе, порожденном эпохой Просвещения, то есть в эпохе модерна. Как только последний оплот социализма рухнул, с ним исчез с исторической сцены сам

⁸³ Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон; пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. С. 113 – 114.

⁸⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 03.03.2015).

⁸⁵ Валлерстайн Им. После либерализма / Им. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

социализм. Мир превратился в монокапиталистический мир, где перестала рассматриваться даже сама возможность альтернативы. Это стало свидетельством «конца истории»⁸⁶ и наступления новой эпохи. П. Андерсон приводит краткую характеристику-сравнение постмодерна с модерном. Он говорит, что суть постмодерна определяется его базовыми характеристиками: деклассированным социальным порядком, медиатизированными технологиями и монотонной политикой в противовес существовавшему в эпоху модерна жестко стратифицированному на классы обществу, индустриальной технике, базирующейся на ньютоновской механике, и антагонистических политических идеологий. Далее подробнее остановимся на выделенных характеристиках и попытаемся показать, что сущность современного общества вполне обоснованно определяется через приставку «пост».

Разрушение классовых структур началось с процесса индивидуализации⁸⁷. Современное общество с его «текучестью» связей, постоянно меняющейся социально-экономической, геополитической обстановкой, приводит к тому, что все члены общества воспринимаются как индивидуумы, безотносительно к какому-либо виду социальной принадлежности. Высокая скорость разрушения старой, появление новой сети социальных связей приводит к тому, что социум находится в состоянии постоянной индивидуализации, суть которой в «преобразовании человеческой идентичности из «дано» в «найти» и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия (а также побочные эффекты) их действий».⁸⁸ С точки зрения де Токвиля⁸⁹, «индивидуум» – злейший враг «гражданина», а процесс индивидуализации разрушает общество. «Гражданин» склонен добиваться своего благополучия через общественно значимые действия, приводящие к созданию «общества всеобщего благосостояния», «справедливого общества», а «индивид» добивается

⁸⁶ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

⁸⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

⁸⁸ Там же. С. 39.

⁸⁹ Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль; пер. с франц.; предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

свободы во всем, в том числе и свободы от коллектива. Свобода делает людей безразличными к проблемам другого, что приводит к разрушению социальных связей, возвращает человека в гоббсовское общество «войны всех против всех». Стремление к свободе приводит к негативной ее стороне – тотальной индивидуализации, которая ведет за собой девальвацию социального как такового.

Вместе с тем деклассированный социальный порядок приводит к появлению нового социального дискурса, который Найджел Трифт в своей статье «The rise of soft capitalism» называет «Дискурсом Книги Бытия»⁹⁰. Прежде чем дать интерпретацию данной метафоры, обратимся к тому, что автор понимает под дискурсом. С точки зрения Н. Трифта, дискурсы (автор настаивает, что их больше чем один), это «метаязыки, рассказывающие людям, как им жить, чтобы оставаться людьми».⁹¹ Именно дискурсы могут заменить метанарративы, которые остались во времена эпохи модерна. Н. Трифт описывает два вида дискурса, имеющих ярко выраженную религиозную подоплеку. Первый – «Дискурс Иисуса», это жесткий дискурс, где правилом является порядок, где все подчинено своей внутренней логике, и отступление от нее не приветствуется. Порядок автором понимается как монотонность, контролируемость, регулярная повторяемость событий и соответственно предсказуемость. Второй вид – «Дискурс Книги Бытия», где все с точностью до наоборот: здесь из хаоса рождается гармония, здесь беспорядок – норма, а порядок – исключение. Современность, с ее перманентным стремлением к «текучести», находится в дискурсе второго рода. Здесь индивид уже не привязан к месту, что выражается не только в широком спектре возможностей перемещения в пространстве, но и во взгляде на мир и определении своего места в нем. В эпоху модерна человек, получающий высшее образование, был уверен, что всю жизнь проработает в избранной отрасли по специальности, более того, такой взгляд на мир был нормой. Для современного общества становится все более актуальным и даже

⁹⁰ Thrift N. The rise of soft capitalism // Cultural Values. – 1997. – № 1/1. – P. 29-57.

⁹¹ Там же. P. 30.

модным освоение индивидом в течение жизни большого количества специальностей и профессий. Дэниэль Коэн, современный французский исследователь, отмечает, что работник, «начиная свою карьеру в Microsoft, не знает, где он ее закончит».⁹² То, что еще полвека назад было невозможным и даже фантастическим, в эпоху постмодерна становится реальностью. Так, например, работа «не выходя из дома» для современного человека – норма, тогда как для человека эпохи Г. Форда нечто необычное, неуместное. Во многом такому положению вещей поспособствовало развитие информационных технологий, которые, с одной стороны, облегчают бытие индивида в социуме, а с другой, – наделяют его персональной ответственностью за качество выбранного им того или иного информационного материала. Общество постмодерна характеризуется доступностью информации, индивид самостоятельно может освоить те или иные профессиональные компетенции, научиться рисовать или играть на музыкальном инструменте, более того, он может самостоятельно, без протекции со стороны, получить признание и стать известным деятелем культуры, искусства или общественным деятелем. Как подтверждение тому, последнее десятилетие активно развивается блоггерская интернет-культура (один из самых крупных интернет-ресурсов на эту тему: «Живой Журнал», адрес в сети: livejournal.com), где необязательно обладать специальными знаниями и навыками, чтобы писать книги и статьи, заниматься искусством фотографии, рисовать картины или писать музыку, главное, чтобы у твоего аккаунта была своя целевая аудитория. Здесь успех выражается не в количестве наград, званий или гонораров, а в количестве подписчиков: чем их больше, тем популярнее автор, а его творчество востребованнее среди пользователей Сети.

Вторая черта эпохи постмодерна – медиатизация технологий. Так появление телевидения многие авторы связывают с переломным моментом, кардинально изменившим восприятие человеком действительности. СМИ (средства массовой информации) – это пути, механизмы, способ» передачи данных, сведений, то есть

⁹²Cohen D. Richessedumonde, pauvretésdesnations [Электронный ресурс] / D. Cohen. Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. URL: <http://procultura.fr/wp-content/uploads/2014/01/Daniel-COHEN-Richesse-du-monde-pauvret%C3%A9s-des-nations.pdf> (дата обращения: 07.01.2015).

рассредоточенной в социальном пространстве информации массовой аудитории. Система функционирования СМИ аналогична структуре построения коммуникации, представленной в работах Р. Якобсона⁹³ и А. Греймаса⁹⁴, которую они представляют в своих семиотических теориях. Существует «адресант», в случае со СМИ это может быть как индивид, так и событие, так называемый «информационный повод». Существует «адресат» – индивид или группа, для которой по различным причинам может быть значим данный «информационный повод». И существует «код», по-другому «сообщение об адресанте», которое передается представителем СМИ «адресату». Не стоит забывать, что журналист, как и остальные два субъекта коммуникации, всегда находится в контексте и не всегда контекст одинаков для всех субъектов коммуникации. Если упрощать, то схема такова: существует «информационный повод», его освещение происходит посредством передачи информации о нем заинтересованным индивидам через представителя СМИ. Такая схема работает в одностороннем порядке, что позволяет различным СМИ самостоятельно или по определенному социальному заказу информировать о происходящих событиях широкую аудиторию, либо вообще выступать в роли «newsmaker», создавая тот или иной информационный повод самостоятельно, либо спекулируя имеющейся информацией (фото и видеомонтаж, «вырывание» идей из контекста и т.д.). В таких условиях принцип объективности информации не является основополагающим. Здесь СМИ становятся центрами по управлению общественным мнением, именно через специально созданные образы того или иного социального события можно формировать настроения масс.

Создание глобальной сети Интернет, не имеющей единой централизованной системы контроля, распространяющейся по всему миру в хаотичном порядке, завершило коренной перелом в становлении эпохи постмодерна и ознаменовало

⁹³ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон; пер. с англ. // Структурализм: «за» и «против», – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

⁹⁴ Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / А.-Ж. Греймас; перевод с французского Л. Зиминной. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.

собой полную информатизацию и медиатизацию современного общества⁹⁵. Другими словами, происходит переход СМИ в «медиа». Если СМИ отличается однонаправленностью информационного канала от производителя информации к ее получателю, то с появлением «медиа» информационный канал приобретает двустороннюю направленность. При анализе термина «медиа» и однокоренных с ним слов типа «медиатор», «медиана», «медиум», можно сделать вывод о том, что «медиа» – это посредник, в нашем случае между «информационным поводом» и «адресатами». При производстве и распространении информации посредством «медиа» становится сложнее монополизировать источник информации и организовать трансляцию «нужной» информации. Так как Интернет является глобальной, неподконтрольной конкретному лицу или группе лиц сетью, то управлять информацией появляющейся в ней не представляется возможным. Это имеет ряд несомненных социальных плюсов, способствующих развитию демократии, гражданского общества, толерантности, солидарности, открытости. Вместе с тем бесконтрольность производства и распространения информации серьезно отражается на ее качестве, как с точки зрения категорий «истинное – ложное», так и с точки зрения морально-нравственных установок. Теперь каждый индивид может стать творцом новой информации, о чем свидетельствует успешный интернет-проект Wikipedia (свободная интернет-энциклопедия), где каждый желающий может создать статью на интересующую его тему. Возможно, ничего угрожающего в этом нет, если бы не тот факт, что подобного рода статьи воспринимаются читателями данной энциклопедии как «истина в последней инстанции». Таким образом, из поля свободной информации, сеть становится виртуальным полем информационных войн с более изощренными видами оружия, нежели телевидение, радио и пресса. Практически вся информация, как старая, так и вновь производящаяся, становится общедоступной, но вместе с тем возникает проблема ее верификации. Теперь индивид должен обладать

⁹⁵ См. работы: Луман Н. Медиа коммуникации / Н. Луман; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифоров. – М.: Логос, 2005. – 280 с., Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Практикс, 2005. – 256 с., Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.

достаточно большим количеством интеллектуальных сил для отделения качественной информации от дезинформации, популистских и идеологически ангажированных данных.

В эпоху постмодерна свобода слова превращается в двуликого Януса, при всей доступности информации встает вопрос о ее качестве и о требованиях к индивиду, способному к ее адекватному восприятию. Информационные войны, переходя на новый уровень, начинают провоцировать появление новых технологий, способных оказать содействие в информационном манипулировании сознанием общества.

Монотонная политика – последняя, третья черта общества эпохи постмодерна. С нашей точки зрения «монотонность» политики появляется с крахом биполярного мира. Сегодня на Западе практически нет самостоятельной чистой консервативной или либеральной традиции. Основное направление западной мысли, которое в широком смысле можно назвать либеральным, органически впитало в себя главные элементы консерватизма, восходящие к Э. Бёрку, Ал. де Токвилю и другим авторам консервативной идеологии. Сегодня во всех европейских обществах основные идейно-теоретические течения на сущностном уровне взаимопереплетены, а на уровне практической политики отличаются лишь по соотношению основных установок в зависимости от социальных групп, к которым они обращены. Либерализм, консерватизм, впрочем, как и социализм – это идеологии одной эпохи, имя которой «модерн», они не несут в себе коренных противоречий, а лишь изменения, которые происходят в рамках одной идеосферы. Им. Валлерстайн отмечает, что «чем внимательнее мы присмотримся либо к их теоретическим положениям, либо к практике их политической борьбы, тем больше обнаружим разногласий между ними как раз по вопросу о том, в чем эти различия состоят».⁹⁶

Современная политика во всех ее проявлениях обращена к демократическим принципам. В своем стремлении к демократизации,

⁹⁶Валлерстайн Им. После либерализма / Им. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 74.

политические силы все больше приближаются к плебеизации (термин введен Ф. Джеймисоном⁹⁷). Плебеизация – противоположное демократизации явление. Оно заключается в том, что не столько сокращается дистанция между общественными стратами, сколько отменяются социальные различия вообще. Происходит подавление любой категории иного в коллективном сознании. Альтернативы, которые ранее существовали в обществе, такие как «высшее общество» – «социальное дно», «аборигены» – «иностранцы» и так далее, теряют свое значение. Соответственно, на социальной лестнице перестали существовать какие-либо непреложно установленные позиции, а «чужим» может быть только кто-то совершенно сторонний, например, инопланетный пришелец. Таким образом, происходит не увеличение реального равенства (нужно отметить, что на современном Западе оно по сравнению с серединой XX в. существенно снижается), но скорее деградация гражданского общества и частной автономии. Согласно З. Бауману, происходит «колонизация общественной сферы вопросами, ранее считавшимися частными и неуместными для обсуждения».⁹⁸ Наиболее яркое следствие заключается в деформации политики в сторону «частного» и отход от «общественного». Вопреки предыдущему опыту, сегодня политика все чаще занимается теми вопросами, которые являются «частными проблемами общественных фигур», а не реальными «общественными вопросами». В свете данного, если в эпоху модерна на политической сцене был главным тот, кого избирал, то в эпоху постмодерна главная роль при выборе политических персон принадлежит избирателю. Сами же персоны, в противовес персонам модерна (которые были наделены реальным политическим авторитетом), обладают авторитетом возможным, и только избиратель решает (правда, с помощью медийных технологий становится все проще контролировать эти решения), кто будет обладать реальным авторитетом, то есть, кто придет к власти. Это еще раз подтверждает, что общество постмодерна опирается преимущественно на потребительские, а не творческие черты, входящих в него индивидов.

⁹⁷ Jameson F. The Seeds of Time / F. Jameson. – New York: Columbia University Press, 1994. – 215 p.

⁹⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. С. 78.

Постмодернизм с его ценностными установками рушит мир классического субъекта, создавая его модернизированный тип – «человека современного»⁹⁹, «человека-индивидуалиста»¹⁰⁰. Эта новая личность представляет собой социальную структуру, в которой индивиды строят свои online и offline сети, руководствуясь своими интересами, ценностями, склонностями и проектами. С нашей точки зрения, консерватизм в состоянии удовлетворить такого рода социальный запрос через установки корпоративизма (движение навстречу друг другу, толерантность), через синтез традиции и модернизации, обеспечивающих возможности примирения метафизических установок разрыва-преемственности.

Современный человек становится повсеместно культурным, достаточно лишь сделать культурным пространство своего обитания. Традиционные ценности теряют свой смысл, технологии их актуализации так же, как и природа социальных институтов, отвечающих за их воспроизводство, (образования и воспитания, науки, искусства и религии), заменяются процессами глобализации и соответствующих конкретному случаю гражданскими образованиями. Наряду с вышеописанными процессами происходит децентрация внутреннего пространства личности, что приводит как к рассеиванию «Я» в структуре субъекта, так и к микшированию самой структуры, которая становится скользящей.¹⁰¹ Индивид в постмодерне погружается в «раскроенную ткань языка и социальную плоть модернизированного мира, вытеснив на поверхность моря коммуникативных отношений и повседневных практик».¹⁰² Постмодернистский субъект лишен своей суверенности (Ж. Делез), у индивида эпохи постмодерна появляется новая черта – шизофрения как главное свойство истинной субъективности свободной и революционной. Шизофрения обеспечивает иррациональность индивида, что

⁹⁹ Круглов В. Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума: Монография / В. Л. Круглов; ФГОУ ВПО КГАМиТ. – Красноярск, 2009. С. 113.

¹⁰⁰ См. работы: Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана; гос. ун-т - Высшая школа экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с., Штирнер М. Единственный и его собственность. – М.: Азбука, 2001., Пригожин И. Р. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. – №1. – С. 24-27. и пр.

¹⁰¹ Круглов В. Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума: Монография / В. Л. Круглов; ФГОУ ВПО КГАМиТ. – Красноярск, 2009. С. 117.

¹⁰² Круглов В. Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума: Монография / В. Л. Круглов; ФГОУ ВПО КГАМиТ. – Красноярск, 2009. С. 119.

способствует сопротивлению власти и навязываемой идеологии.¹⁰³

Представляется, что лейтмотивом определяющим бытие индивида в обществе постмодерна является его «децентрация» в универсуме, в культуре, в обществе, в собственной психике, это соотносится с духом времени, но накладывает серьезный отпечаток на поведение человека, на его ценности. Помимо своей социальной природы, человек еще и биологическое существо, его организм – гениальное создание природы, где все продумано и имеются механизмы защиты от внешних и внутренних угроз. Одним из таких механизмов является необходимость индивида в самоидентификации, в соотнесении себя с группой. В обществе постмодерна соотнесение себя с группой не приветствуется, все вокруг меняется, меняется и индивид, с точки зрения постмодернистов, он обречен на одинокое существование. Но защитные механизмы человеческой психики не перестают через подсознание, инстинкты, рефлексy действовать на индивида, заставляя искать общество себе подобных. Метафизическими основаниями такого поиска может служить консервативное мировоззрение.

Описав процесс индивидуализации общества постмодерна, осуществим попытку обозначить социальную базу, разделяющую консервативное мировоззрение. Представляется, что ее основу составляют интеллектуалы, понимающие необходимость укорененности субъекта в общественном бытии, в биологически обусловленной потребности коллективной идентичности. Сюда же относятся группы, представляющие те социальные институты, в самой экзистенции которых заложены консервативные установки. Это институты образования, науки, религии, государства. Все они задействованы в процессе социализации индивида и так или иначе по своей природе должны опираться на традиционные ценности и принципы воспроизводства и трансляции социального опыта и знания. К субъектам, формирующим социальную базу консерватизма, относятся также разного рода маргиналы, находящиеся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающие влияние противоречащих друг другу норм, ценностей, и т.д. Для обозначенных выше социальных страт

¹⁰³ См. работы Ж. Делеза, Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Фуко.

консервативное мировоззрение является необходимым элементом социальной действительности, которое помогает им с помощью своих базовых установок интегрироваться в окружающую реальность.

В данном разделе работы была обоснована актуальность идей консерватизма в свете социокультурной парадигмы постмодерна, в том числе и через сопоставление идей модерна и постмодерна. Также в ходе работы был выявлен новый тип индивидуальности, появляющийся в обществе постмодерна – «индивидуалист», дана его характеристика с позиций постмодернистских теорий, с опорой на полученный результат проанализирована социальная база консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Далее обратимся к постиндустриальным концепциям развития общества для того, чтобы усилить социокультурно ориентированные установки постмодернизма технологической составляющей.

2.2 Технологические трансформации современного общества в постмодернистской парадигме

Рассматривая историю рождения и становления постмодернизма, обратим внимание на то, что его появление происходит в 60-е годы XX века, когда модернизм как интеллектуальное течение практически исчерпал себя в поиске новых идей. Происходит разрушение созданных им ранее идей, появляются новая философия и искусство. Базовые идеи постмодернизма формируются в условиях становления новой социальности, которую Е. Масуда называет информационной¹⁰⁴, Д. Белл постиндустриальной¹⁰⁵, З. Бжезинский техногенной¹⁰⁶, а М. Кастельс сетевой¹⁰⁷ и т.д. Вне зависимости от названия, все

¹⁰⁴ Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Washington: World Future Soc., 1983 – 419 p.

¹⁰⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

¹⁰⁶ Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era / Zb. Brzezinski. – N.Y.: Viking Press, 1970. – 123 p.

авторы едины в том, что главной чертой современного общества становится «информация». Как отмечает Ф. Уэбстер¹⁰⁸, при всех противоречиях в научном сообществе по поводу определения состояния современной эпохи развития общества и ее номинаций, все ученые солидарны в одном: информация – ключевое явление, играющее особую роль в современном мире. Именно информация со своей «особенной ролью» явилась водоразделом между обществом модерна и тем обществом, которое следует за ним.

Для того чтобы дополнить постмодернистскую философию технологической составляющей, рассмотрим ряд идей тех авторов, которые повлияли на формирование концепций информатизации и постиндустриализации современного общества. Представляется, что данные авторы обладают особым взглядом на современное общество. Точка зрения каждого из них содержит значительную долю эвристичности и может быть полезной при проведении данного исследования.

К числу постиндустриальных концепций, развивающих идеи о технологических трансформациях в обществе постмодерна, следует отнести концепцию постиндустриального общества Д. Белла. Программной работой Д. Белла является вышедшая в 1973 г. книга «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования»¹⁰⁹. В данном исследовании автор рассматривает изменения, происходящие с обществом и имеющие систематический характер, в трех основных сферах: социальной структуре (сюда относится экономика, система занятости и технологии), политической системе, сфере культуры. Концепция постиндустриального общества, с точки зрения американского социолога, включает в себя пять элементов. В экономике – переход от производства товаров к расширенному производству услуг. Развитие сферы услуг становится характерной чертой общества потребления, которое

¹⁰⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана; гос. ун-т - Высшая школа экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

¹⁰⁸ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартаковой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

¹⁰⁹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

приходит на смену обществу индустриальному. И если в индустриальном обществе фундаментом развития служили такие факторы производства, как труд, земля, капитал, то в информационном обществе появляется четвертый фактор – информация, которая получает приоритетное значение. В структуре занятости населения происходит доминирование профессионального и технического классов. Низкоквалифицированный труд уходит на второй план, освобождая место «белым воротничкам» и топ-менеджменту. Фабрики и заводы в их классическом, фордистском понимании, уходят в прошлое, центральное место отдается высокотехнологичному производству с минимальным привлечением человеческой рабочей силы. Наступает век машин. Будущее общества видится за развитием научных знаний и высокотехнологичной продукции. «Человеческий капитал», наперекор традиционным капиталистическим ресурсам, приобретает наивысшую ценность.

В предлагаемом контексте интерес представляет концепция «сетевого общества» М. Кастельса. В своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»¹¹⁰ он определяет общество через развитие информационных технологий, в том числе сети Интернет. С точки зрения М. Кастельса, информационная стадия развития общества создает общество нового типа, которое возникает благодаря развитию информационно-компьютерных технологий и в котором центральное место занимают информационные потоки. Производство информации как нематериального блага – главная отличительная особенность такого общества. Возможности информационных технологий приводят к появлению единой социально-экономической системы, потенциально имеющей возможность объединить весь мир, накинуть на него еще одну паутину. М. Кастельс вводит новое понятие – «сети» как «множества взаимосвязанных узлов». Сетей много, это не тоталитарная система, которая одна опутывает все и вся, это множество различных сетевых структур, которые пресекаются,

¹¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана; гос. ун-т - Высшая школа экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

переплетаются, притягиваются и отталкиваются друг от друга¹¹¹. Расстояние между узлами сети разное, но узлы, как планеты Солнечной системы, за счет притяжения равномерно удалены либо приближены друг к другу. Но в отличие от той же Солнечной системы, эти сетевые структуры не имеют общего центра в принципе и держатся только за счет баланса притяжения-отталкивания.

С точки зрения этого исследователя, современное общество, обладая чертами сети, развивается спонтанно, в результате взаимодействия множества различных по своему статусу и величине социальных групп и отдельных индивидов. Место локального общества в мире, как и место государства на международной арене, определяет степень развития информационных технологий. И если при индустриальном обществе мир делился на страны, имеющие индустриальное производство, и страны-аграрии, то теперь проблема «золотого миллиарда» базируется на тех, кто имеет высокотехнологичное производство, развитые коммуникативные информационные технологии и на тех, кто до сих пор вынужден жить за счет природных ресурсов и земли. Теория М. Кастельса более прагматична, нежели во многом футурологическая аналитика Д. Белла. М. Кастельс предлагает ввести новый тип стран, а соответственно и обществ – стран «четвертого мира», как общественных образований, которые оказались вне мировой сети, у которых отсутствуют или слабо развиты информационные технологии и нет доступа к сети Интернет¹¹². С точки зрения американского социолога, если при традиционном капитализме общество делилось на класс собственников средств производства и на класс наемных работников, то теперь его легко можно поделить на Интернет-имущих и Интернет-неимущих. Коммуникационные и информационные технологии в обществе сетей выходят на первый план, заменяя собой привычные традиционные представления о движущих силах общественного развития. В условиях современной действительности, фраза М. Ротшильда «кто владеет информацией, тот владеет миром» становится более прагматичной, нежели афористичной. В

¹¹¹ Кастель М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

¹¹² Там же.

такой ситуации возникает новый тип социальности, который М. Кастельс и ряд других исследователей¹¹³ называют «сетевым индивидуализмом»¹¹⁴, как некоторой социальной структурой, проявляющей себя в форме online-взаимодействия, которое образуется благодаря гибкости и коммуникационным возможностям сети. Следует выделить ключевые черты сетевого индивидуализма¹¹⁵, такие как влияние на становление гражданского общества (информационные технологии и социальные сети стимулируют развитие так называемой «сетевой демократии» и «электронного правительства»); уравнивание статусов индивидов (в сети все находятся в равных условиях, вне зависимости от пола, возраста, социального статуса или расы); относительная независимость индивида от пространственно-временного континуума (все общество превращается в «электронную деревню»); появляется новая форма социализации, поиска своей идентичности (традиционные институты социализации начинают отодвигаться на второй план).

Одно из отрицательных последствий, с которым сталкивается сетевой индивидуалист, – это ценностная аномия, которая в том числе выражается в извращении традиционных идеалов, приводящих к формированию однополых браков, появлению лжерелигий, девальвации чувства ответственности (жизнь в реальности воспринимается как игра в виртуальном пространстве, где можно сохраниться перед переходом на новый уровень и если что-то пойдет не так, отыграть без потерь обратно), усугублению у индивида чувства одиночества, заброшенности у индивида. Перечисленные социальные вызовы, стоящие перед человеком-индивидуалистом, дают возможность говорить о том, что для сетевого сообщества консервативное мировоззрение становится актуальным.

¹¹³ См. работы Штирнер М. Единственный и его собственность. – М.: Азбука, 2001., Пригожин И. Р. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. – №1. – С. 24-27., Dijk, J. A. G. M. van. The Network Society / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA.: Sage publications Ltd, 1999. – 272 p., Dijk, J. A. G. M. van. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA.: Sage Publications Ltd, 2005. – 248 p.

¹¹⁴ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

¹¹⁵ Там же.

Перечисленные взгляды принадлежат той группе теоретиков, которые рассматривают общество постмодерна в его технологическом измерении как уникальный, необычный процесс становления «новой эпохи». Существуют теоретики, которые признают глубинные процессы, происходящие с современным обществом, но считают их закономерными, приводящими не более чем к очередной трансформации и переходу на новый этап общественного развития.

Примером понимания современного общества как генетически связанного с предшествующим этапом развития служит взгляд на современное общество представителя неомарксизма Г. Шиллера. Его взгляды на принципы развития современного общества позднее получили название политико-экономического подхода¹¹⁶. Сущность такого подхода заключается в трех моментах. Во-первых, это стремление увидеть за информацией, в каком бы виде она ни была формализована, скрытую сущность, которая в конечном варианте формирует «нужные» взгляды широкой публики. Во-вторых, предпринимается системный анализ процессов коммуникации и обработки информации с целью определения места конкретного информационного источника в социально-экономической структуре. В-третьих, особое место отводится роли истории и этапам ее развития. Г. Шиллер считает, что для современной стадии развития капиталистического общества огромную роль играет информация и коммуникация как факторы, поддерживающие стабильность и благополучие данной экономической системы. Вместе с тем, исследователь отмечает, что «основные императивы рыночной экономики остаются теми же самыми, какие бы изменения ни происходили в технологической и информационной сферах».¹¹⁷ То есть даже после появления сложных технологий получения и обработки информации приоритетные направления развития капитализма и присущие ему противоречия остаются неизменными, и лишь переходят на другой уровень. Шиллер говорит о том, что

¹¹⁶ Schiller H. Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500 / H. Schiller. – Norwood, NJ: Ablex, 1981. – 167 p.

¹¹⁷ Schiller H. Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500 / H. Schiller. – Norwood, NJ: Ablex, 1981. S. xii.

при анализе характера и перспектив развития современного общества больше внимания стоит уделять не самим информационным технологиям, а тому, кому и с какой целью их использование выгодно и в чьих руках сохраняется возможность их применения.

Характеризуя современное общество, Г. Шиллер отмечает ряд тенденций, экспликация которых может дать достаточно полное представление о его сущности. Во-первых, решающей становится роль рынка, он диктует развитие как информационных, так и коммуникационных технологий. Информация – это товар, владение которым все чаще становится возможным лишь на возмездных основаниях. Соответственно, доступ к информации становится все более ограничен. Во-вторых, классовое неравенство является одним из основных факторов, влияющих на производство, доступ и распространение информации в обществе. Именно принадлежность к тому или иному классу определяет объем и качество той информации, которую вы можете получить и распространить для других. Следовательно, получит ли конкретный индивид привилегии от произошедшей «информационной революции», зависит от того, какое место в социальной иерархии он занимает. Такое положение дел еще раз подтверждает, что происходящие с обществом изменения не коснулись его фундаментальных принципов устройства. В-третьих, не все общества одинаково равномерно развиваются: при явных тенденциях глобализации существенным является то, на какой стадии капиталистического развития они находятся. С точки зрения Г. Шиллера, информация начинает играть особую роль в развитии общества, которое вступило в фазу корпоративного капитализма, то есть там, где транснациональные корпорации, наднациональные образования начинают существенно влиять на жизнедеятельность общества. Так как именно для них на первом месте оказывается роль информации и развития информационных технологий, именно они вкладывают в это развитие свой капитал. Соответственно информационно-коммуникационные технологии развиваются не в интересах общества в целом, а в интересах частного бизнеса, который инвестирует в них свои финансы. Для Г. Шиллера современное общество, так же как и общество

вековой давности, является капиталистическим, основывающимся на рыночных отношениях и классовом неравенстве. Различие заключается лишь в том, что ранее теоретически определенные характеристики капитализма в современном обществе воплощены на практике в полном объеме.

В контексте данного исследования заслуживает внимания точка зрения Ю. Хабермаса, последовательного критика постмодернизма, в частности, его теория публичной сферы и коммуникативной рациональности.¹¹⁸ Он также отвергает идею о возникновении нового типа общества с приставкой «пост», безусловно, отводя особое место роли информационных технологий в современном мире. В своей программной работе «Модерн – незавершенный проект» Ю. Хабермас¹¹⁹ говорит о том, что при явном росте информационно-коммуникационных технологий, укрепляющихся тенденциях глобализации, современное общество является преемником общества Модерна. Все, на что опирается современное общество как на базовые элементы своего существования, заложено гораздо раньше XX века, и то, что происходит с этими фундаментальными основаниями сейчас, не что иное, как очередная трансформация.

Информация, с точки зрения немецкого философа, – это хребет публичной сферы, гарантирующей развитие демократии. Доступность получения и распространения информации, которая может быть обеспечена новыми технологиями, должна повлиять на укрепление публичной сферы и распространение коммуникативных связей в современном обществе. Сфера публичного способствует использованию информации на благо всего общества, а не в пользу частных интересов отдельных индивидов. Вместе с тем существует значительная угроза упадка публичной сферы в связи с появлением технологий манипулирования информацией. Истинность информации при ее трансляции является залогом успешного развития публичной сферы общества, а

¹¹⁸ Хабермас Ю. Политические работы. / Ю. Хабермас; сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

¹¹⁹ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-52.

следовательно, и демократии. Вместе с тем, чем более децентрализована система, в которой распространяется информация, чем большими свободами и правами наделены индивиды, пользующиеся информацией, тем острее стоит вопрос о моральном самоконтроле рядового субъекта публичной сферы, о его умении не злоупотреблять теми демократическими свободами, которыми он наделен. Ю. Хабермасом актуализируется потребность в культивировании ценностных установок в обществе, формировании аксиологической базы для успешного развития публичной сферы, в процессе чего консервативная идеология может внести достойный вклад в развитие современного общества.

Также к числу теорий, отстаивающих эволюционный взгляд на становление постмодернистского общества, следует отнести теории социальной структуризации и «рефлексивной модернизации» Э. Гидденса¹²⁰. Проводя анализ современного общества, Э. Гидденс не придает большого значения информации. Он пишет, что «хотя обычно предполагают, что мы только вступаем в новую эпоху информации, на самом деле современное общество было «информационным» с самого своего начала».¹²¹ С точки зрения автора, информация имела ценность на протяжении всего развития человеческого общества, и то, что на данном этапе она заняла особое место, не дает нам возможности говорить о разрушении старой системы и возникновении совершенно новой. В современном обществе произошла информатизация социальных связей и не более того. Э. Гидденс выделяет следующие особенности, связанные с современным этапом развития общества¹²². Коротко перечислим их. Первое – люди своими действиями могут воспроизводить или изменять социальные структуры, но это не обязательно связано с трансформациями всего общества в целом, так как социальных структур множество. Из социальных структур складывается социальная система, которая существует в определенном времени и определенном пространстве. Второе – социальная структура влияет на поведение агента благодаря знанию об обществе,

¹²⁰ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

¹²¹ Giddens A. Social Theory and Modern Sociology / A. Giddens. – Oxford: Polity Press, 1987. S. 27.

¹²² Там же. S. 310.

которым располагают агенты. В обществе есть большое количество «общих знаний» (информации) о том, как вести себя, которые организуют, упорядочивают жизнедеятельность самого общества. Соответственно, чем более развито общество, тем больше в нем информации, так называемых знаний о людях, и тем более возрастает необходимость организованного сбора и обработки информации об индивидах и их деятельности. Поэтому ключевым положением теории рефлексивной модернизации является положение о возрастающей организации социальной жизни, в процессе которой человек все больше обособливается от природы и занимается созданием своего собственного аутентичного мира.

С пониманием общества у Э. Гидденса напрямую связан консервативный концепт национального государства, что еще раз свидетельствует об актуальности идей консерватизма на современном этапе общественного развития. С точки зрения исследователя, общество не бывает абстрактным, оно всегда определено границами, и эти границы обеспечивает национальное государство. В рамках национального государства необходимость организованного сбора и обработки информации об обществе принимает формы отслеживания. Систему отслеживания можно воспринимать с разных сторон, с одной стороны – это угроза тотального контроля «Большого брата» за жизнедеятельностью общества, с другой (если принимать во внимание теорию Э. Гидденса о рефлексивной модернизации) – это возможность повышения уровня организации общества, приводящей к повышению уровня его управляемости, прозрачности, что в конечном итоге дает право на существование различных стилей жизни.

В данном разделе работы был проанализирован ряд теорий, описывающих технологические тенденции общества постмодерна. Представляется, что новые технологические тенденции, присущие постмодернистскому обществу, при всех своих плюсах, связанных с информатизацией и компьютеризацией жизни индивида, нуждаются в ценностях, пропагандируемых консерватизмом, так как именно они могут заполнить вакуум, складывающийся в антропологическом измерении социума, актуализировать интерес к человеку, к его духовным

потребностям, формирующимся под влиянием запросов технократических установок.

Логика поставленных в исследовании задач требует ответа на вопрос: каким образом происходит актуализация консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма. Дальнейший ход исследования обусловлен гипотезой о том, что объектами идейных установок постмодернизма и консерватизма являются одни и те же социальные феномены, лежащие как в технологической, так и социокультурной плоскостях. Это позволит применить категориальный аппарат постмодернизма к экспликации консервативной проблематики на современном этапе развития общества.

2.3 Причины и способы актуализации консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма

Представляется, что основанием для осуществления исследования в заданном ключе является интеллектуальная установка о консервативной сущности постмодернизма ¹²³. Общность данных социально-философских установок выражается в «критике рационализма как идеологической (консерватизм) или дисциплинарной (постмодернизм) тенденциозности» ¹²⁴. Примером сходства консерватизма и постмодернизма служит тот факт, что антирационалистическая критика консерватизма, которую он разворачивал во времена эпохи Просвещения и которая оценивалась как реакционная (при том, что критикуемые оппоненты провозглашались радикалами и революционерами, разделявшими идеи Просвещения), и современная постмодернистская критика идейных установок Модерна, рожденного из проекта Просвещения (которую сейчас воспринимают как радикальную), по своим приемам очень схожа с

¹²³ Франк М. Политические аспекты нового французского мышления [Электронный ресурс] / М. Франк. // Логос. – 1998. – № 6. – Электрон. версия печат. публ. URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/frank.htm> (дата обращения: 07.04.2015).

¹²⁴ Мусихин Г. И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью / Г. И. Мусихин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 119.

консервативным иррационализмом.¹²⁵ Далее мы не будем углубляться в проработку данной тематики, так как это самостоятельная тема независимого исследования. В рамках данной работы достаточно сказать, что автор, солидаризируясь с названными исследователями, считает, что между консерватизмом и постмодернизмом гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд. Консервативные ценности могут быть актуализированы в обществе постмодерна через призму эстетического, через восприятие базовых консервативных констант как элементов искусства и культуры.

Как было отмечено в первой главе исследования, культура – один из базовых элементов консервативного мировоззрения. Достаточно сложно переоценить роль и значение культурных универсалий для формирования и воспроизводства консервативных идеологем. И если связь культуры и традиции, соотношение традиции и инновации были уже рассмотрены, то в данном разделе работы мы остановимся на экспликации взаимосвязи сфер эстетического и политического, актуализированных философией постмодернизма и важных для понимания близости позиций либерализма и консерватизма.

С 70-80-х гг. XX в. культура становится доминантой в рассуждениях о постмодерне, идет ли речь об обществе потребления¹²⁶ или о коммуникативной рациональности.¹²⁷ В свою очередь, культура неразрывно связана с понятиями прекрасного, эстетического. Через восприятие культуры в теориях постмодернизма происходит актуализация эстетического как особого способа мыслить. Ж. Рансьер в книге «Эстетическое бессознательное» выдвигает гипотезу о том, что эстетика – это «не новое имя для обозначения искусства, а специфическая конфигурация для этой области... Она [*эстетика* – А.М.] отмечает преобразование режима художественной мысли. И этот новый режим оказывается

¹²⁵ Мусихин Г. И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью / Г. И. Мусихин // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 3. – С. 119.

¹²⁶ См. работы философов Франкфуртской школы, Ж. Бодрийяра, Г. Дебора, Ф. Джеймисон, В. И. Ильина и др.

¹²⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб: Наука, 2000. – 377.

местом, где складывается специфическое представление о мысли»¹²⁸. Далее он отмечает, что само рассуждение о таком понятии, как бессознательное, возможно лишь на основе этого режима художественной мысли, то есть, делает вывод автор, эстетическое является составной частью бессознательного и может влиять на осознаваемое. Подобные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что эстетика в обществе постмодерна претендует на роль «первофилософии». Однако не все так однозначно. Серьезный аргумент против такой точки зрения приводит Ж.-Ф. Лиотар. Он говорит о том, что «если философия должна обратиться в эстетику или, того хуже, стать эстетической, ей, скорее всего, придется отказаться от всех своих преимуществ рационального знания»¹²⁹, что приведет к девальвации философии как таковой.

Вместе с тем, понимая под эстетикой некоторое основание мышления, мы можем говорить о ее жизненной обращенности, причастности к производству субъективности. Жизненная обращенность эстетического в обществе постмодерна топологически соотнесена с политическим сознанием и существованием¹³⁰.

Для подтверждения данной мысли обратимся к идеям немецкого философа Ф. Ницше, осмысленным в работе М. Хайдеггера «Ницше». Идеи Ф. Ницше во многом послужили основаниями для «философских поворотов» XX в. Одна из них – идея «воли к власти как искусство». Безусловно, понимание «воли к власти» у Ф. Ницше не сводится только к области политического, это полная самодостаточная теория, претендующая на всеохватывающее описание сущности бытия, для нас же исследовательский интерес представляет именно конкретная связка «эстетическое – политическое».

По мнению Ф. Ницше, «искусство есть самая прозрачная и самая знакомая форма воли к власти»¹³¹. Ницше приводит пять положений, которые

¹²⁸Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / Ж. Рансьер; сост., пер. с франц. и послесл. В. Е. Лапицкого. – СПб.; Москва: Machina, 2004. С. 14.

¹²⁹Лиотар Ж.-Ф. ANIMAMINIMA / Ж.-Ф. Лиотар / Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное; сост., пер. с франц. и послесл. В. Е. Лапицкого. – СПб.; Москва: Machina, 2004. С. 88.

¹³⁰Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМОАЭСТHETICUS / А. А. Грякалов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 49-57.

¹³¹Хайдеггер М. Ницше [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/110634/Haiidegger_-_Nicshe._Tom_1.pdf (дата обращения: 01.09.2014).

свидетельствуют о том, что искусство есть высшая форма воли к власти. Кратко перечислим и охарактеризуем их. Первое положение: поскольку воля к власти как самоутверждение есть непосредственное созидание, а искусство – это чистая созидательная деятельность, то искусство есть самая знакомая воля к власти. Второе положение: искусство, по мнению Ницше, необходимо понимать со стороны художника, т.е. творящего субъекта, а не высшего разума. Здесь ремесленник, государственный деятель, воспитатель предстают как созидающие художники¹³². Соответственно, одной из разновидностей воли к власти становится искусство, а проводником этой воли – художник. В этом положении прослеживается влияние на Ф. Ницше идеи Я. Буркхардта о «государстве как произведении искусства», с которым он познакомился в 1869 г. в городе Базеле. В третьем положении говорится о том, что если мы понимаем художника как творца, то искусство есть «основное свершение всего сущего», в свою очередь сущее, так как оно сущее, есть «самосозидающееся, созданное». Поскольку ницшианская воля к власти есть не только созидание, но и разрушение, то когда мы говорим, что основное событие сущего есть искусство, то это означает, что оно и есть воля к власти¹³³. Поскольку искусство – это та воля к власти, которая созидает, то оно одновременно и есть противоборствующая сила всяческому нигилизму и анархии. М. Хайдеггер называет искусство «катализатором вечных ценностей». Именно поэтому государство как произведение искусства можно понимать как порядок, противостоящий хаосу. Этот вывод следует из четвертого утверждения Ф. Ницше. Последнее утверждение философа заключается в том, что искусство более ценно, чем истина в ее классическом платоновском понимании. Искусство – то, что существует в «настоящем» мире, то, что субъектно; истина же, в том понимании, в котором Ницше ее противопоставляет искусству, находится в мире идей, она трансцендентальна, оторвана от реального мира, а значит, менее ценна, чем искусство. Представляется, что перечисленные идеи немецкого философа созвучны нашему предположению о том, что эстетическое и

¹³² Хайдеггер М. Ницше [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/110634/Haiidegger_-_Nicshe._Tom_1.pdf (дата обращения: 01.09.2014).

¹³³ Там же.

политическое непосредственно связаны между собой как принадлежащие субъектному (социальному) миру явления.

Политическое, так же, как и эстетическое, ставит под вопрос настоящую действительность, пытаясь понять все многообразие социальных форм существования, без рефлексии которых жизнь социума лишается будущего. Именно политическое является сферой, в которой «человек не может отказаться от необходимости думать о настоящем – при этом самого себя необходимо вставить в запрос, который исходит из существования, в таком «первичном» смысле мысль является как бы чем-то безличным... Действие встроенной в существование мысли о политическом дает возможность состояться мысли вообще»¹³⁴. Здесь, вслед за Ж. Рансьером¹³⁵, можно предположить, что связь эстетического и политического начинается в области бессознательного. Помимо всего, расположение связи эстетического и политического в сфере человеческого бессознательного, с нашей точки зрения, подтверждают ранее выдвинутое нами предположение о том, что базовые консервативные ценности носят онтологический, экзистенциальный характер и укоренены в природе человека.

Очевидность политического раскрывается именно через эстетическое¹³⁶. Эстетическое выступает как особая фоновая практика порождения политической мысли, именно оно способно придавать политическому событийный характер. Любой утопический образ «хорошей жизни», «государства всеобщего благосостояния» и т.д., без которого немислима ни одна идеология, в том числе и консервативная, включает в себя эстетическую компоненту – размышление над политическим здесь не может обойтись без понятия вкуса. Поскольку консервативная идеология не пользуется утопическими образами будущего, но ее напрямую интересуют образы прошлого, то политические идеи консерватизма окрашиваются эстетикой красоты «прошлой жизни», где было все спокойно и правильно. Именно здесь категориальный аппарат эстетики помогает сухим

¹³⁴ Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМОАЭСТHETICUS / А. А. Грякалов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. С. 50.

¹³⁵ Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / Ж. Рансьер; сост., пер. с франц. и послесл. В. Е. Лапицкого. – СПб.; Москва: Machina, 2004. – 128 с.

¹³⁶ Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер; пер. с фр. – М.: Праксис, 2006. – 237.

политическим идеологемам понимать и описывать существующую действительность.

Политика, в силу своей идеологической обусловленности, устанавливает определенные образы настоящего и будущего, привлекая для их конструирования те или иные факты истории. Для создания такого рода образов используется эстетическое оформление. Это делается для того, чтобы вернуть пафос и ауру неизбежной необходимости, давно истощенным, с точки зрения перспективности, великим историческим проектам. Рост количества политических идеологий, с нашей точки зрения, в том числе спровоцирован игрой эстетического. Появление новой политической программы не означает исчезновения другой, происходит временная актуализация одних политических идей и забвение других. Такая ситуация постоянного изменения дает в том числе и консерватизму возможность приспособления к современности через актуализацию одних идей и их эстетических образов и приглушение других.

Эстетическое способствует существованию особого политического времени, где ценно не столько существование и изменение самого социального бытия, сколько стремление постоянно актуализировать свою причастность современности. Политическое является вневременным конструктом, оно стремится быть нужным здесь и сейчас, получить свои пространственно-временные координаты политическому помогает его эстетическое обрамление, которое, как уже было отмечено, напрямую обращено к историческому процессу. Следует отметить, что мы не говорим о крайностях превращения эстетического в политическое и наоборот, нас не интересует ни «эстетический бунт», ни эстетический маргинализм. Продуктивной представляется мысль о топологической, содействующей единству, взаимосвязи эстетического и политического. Такая связь, среди прочего, может быть определена взаимодействием двух тенденций: «политическое наполнено властным притязанием и энергией сообщества, а эстетическое озабочено переживанием

исчерпанности энергетики творчества и существования»¹³⁷. Отсюда, политика лишается своей «магии»¹³⁸ не только из-за утраты эстетического антуража, но в большей степени из-за отсутствия эстетического сопровождения политических идей. Политическое становится идеологически обнаженным, что также свидетельствует о проблемах, возникающих в этой области социальной действительности. С помощью анализа эстетического переживания возможно оценить степень политической депрессии масс, в которую впадает общество эпохи постмодерна. Консервативное же мировоззрение своими базовыми ценностями семьи, приоритета общественных интересов над частными, обращением к национальному государству, как к одному из источников идентичности человека, позволяет противостоять политической апатии масс. Через пропагандируемые консерватизмом вечные ценности, через обращение к ним, пассивность и депрессия, возникающие при столкновении общества с глобальными вызовами современности, могут быть преодолены.

Еще один импульс к анализу взаимосвязи политического и эстетического в обществе постмодерна основывается на убеждении в том, что именно эстетическое сохраняет человеческое в политическом. В условиях технократизации общества постмодерна, политика все чаще воспринимается безотносительно включенности в нее субъекта. В античном понимании политика – это «общее дело», а человек – «политическое животное»¹³⁹ (Аристотель), человек как индивидуальность неотделим от политического. Эстетика позволяет сохранить связь человека с областью политики через эстетическое переживание, которое всегда индивидуально, и основанную на нем личную избирательность. В том числе и через взаимосвязь эстетического и политического консервативная идеология сохраняет способность определять и поддерживать коллективное (общественное) измерение современной жизни, быть политической идеологией с

¹³⁷ Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМОАESTHETICUS / А. А. Грякалов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. С. 52.

¹³⁸ Ферри Л. Философ и политическое [Электронный ресурс] / Л. Ферри // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2. – Электрон. версия печат. публ. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/fer.html> (дата обращения: 01.09.2014).

¹³⁹ Лосев А.Ф. Платон. Аристотель / А.Ф. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 392 с.

«человеческим лицом». Это в очередной раз доказывает необходимость существования консервативного мировоззрения в современном обществе.

В данном разделе работы была показана актуальность консервативной проблематики в социальной философии постмодерна. Это стало возможным благодаря тому, что постмодернистская философия и консервативное мировоззрение имеют общий интеллектуальный интерес к культуре как к социальному феномену. Именно в культурном контексте постмодернистской философии актуализируются идеи консервативного мировоззрения через анализ диалектической связи эстетического и политического.

Исследование, осуществленное в предыдущих разделах работы, формирует теоретическую базу, которая позволяет перейти к выявлению механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

3 Механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна

Феномен социального воспроизводства является самостоятельным предметом изучения наук об обществе. Сам процесс воспроизводства, как и механизмы, его реализующие, описываются разными авторами с различных точек зрения. За точку отсчета примем позицию П. Бурдьё, который строит теорию социального воспроизводства, опираясь на введенный им в социологический тезаурус термина «габитус» (*habitus*). Согласно точке зрения П. Бурдьё, габитусов существует неопределенное множество, они есть «принципы, порождающие и организующие *социальные* практики и представления (курсив мой – А.М.)». ¹⁴⁰ Именно «габитус» является детерминацией, связывающей прочие категории социального с особым классом условий существования социума как такового. Конструирование практического мира, то есть той социальной реальности, в которой существует индивид, происходит в соотношении с габитусом как с «системой когнитивных и мотивирующих структур». Габитус обеспечивает совместимость, вписывая различные социальные практики в конкретно существующую действительность. Структуры габитуса обеспечивают восприятие и трансляцию социального опыта через такие воспроизводящие структуры как семья, институт образования и науки, государство, религия и т.д.

Габитус исторически формируется, обеспечивая воспроизводство как коллективных, так и индивидуальных социальных практик через устоявшиеся схемы восприятия, мышления и действия. Бурдьё описывает принцип существования габитуса как «систему диспозиций – прошлое, проникающее в настоящее и стремящееся продолжаться в будущем». ¹⁴¹

Габитус обеспечивает практически ничем не ограниченную свободу порождения мыслей, восприятия, выражения чувств и действий, вместе с тем

¹⁴⁰Бурдьё П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, вып. 2. – Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 25.11.2014).

¹⁴¹ Там же.

«продукты», создаваемые габитусом, всегда ограничены конкретными историческими и социальными условиями, что не дает возможности создания чего-либо абсолютно нового и вместе с тем оберегает от механического суммирования чего-либо старого. Именно габитус как структура, отвечающая за социальное воспроизводство, обеспечивает безотрывное присутствие традиции в процессе развития социума, что дает возможность обеспечить социально-политическую, экономическую и культурную преемственность поколений агентов.

Исходя из указанного понимания процессов социального воспроизводства, попытаемся выделить и проанализировать механизмы, обеспечивающие устойчивое формирование и воспроизводство консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Определим понятие социальных механизмов, с помощью которых происходит формирование и воспроизводство консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Социальные механизмы, вслед за отечественным исследователем Л. Н. Васильевой, мы будем понимать как «устойчивые по форме социальные отношения, которые реализуются при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом»¹⁴². Речь пойдет об аксиологических, лингвистических и прагматических механизмах. Выбор перечисленных механизмов обусловлен тем, что любую идеологию, как некоторую интеллектуальную конструкцию, в независимости от ее практической направленности и внутреннего содержания, можно разделить на три уровня: аксиологический (какие фундаментальные ценности лежат в основании идеологии), лингвистический (как идеология выражает себя в языке), прагматический (как идеологические установки реализуются на практике). Такое разделение позволяет максимально полно охватить масштабы значимости и жизнеспособности консервативной идеологии.

¹⁴² Васильева Л. Н. Элитологическая онтология [Электронный ресурс]. – М.: Социум, 2014. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ontologia/17.php (дата обращения 12.02.2015).

3.1 Аксиологический базис формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения

Предваряя анализ аксиологических механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения, определим, что мы будем понимать под политическими ценностями и аксиологическим содержанием консервативной идеологии как таковой.

В современной литературе существует множество подходов к тому, что следует считать политическими ценностями. Разброс определений огромен: от самых узких, просто перечисляющих те или иные ценности, до самых широких, которые склоняются к тому, что политические ценности – это отдельный, огромный аксиологический пласт, тесно связанный с общей теорией ценностей. В предлагаемой работе будем придерживаться следующего определения политических ценностей: «Ценности политические - выраженные в мнениях, суждениях позитивные ориентации людей на различные объекты и состояния политического бытия; представления о наиболее важном и значимом в политике».¹⁴³ В ценностях могут быть выражены предпочтения той или иной формы государственного устройства, тому или иному типу отношений между государством и индивидом. В них отражены желаемые представления о степени свободы личности, о справедливости и порядке. Появлению ценностных суждений в политической культуре общества предшествует позитивный опыт отдельных индивидов. Примером такого опыта может служить тот факт, что в рамках конкретной исторической ситуации власть начинает рассматриваться как ценность при условии, что она обеспечила решение каких-либо значимых задач для группы или для социума в целом. Со временем связь представлений с конкретной ситуацией утрачивается, но в массовом сознании сохраняется суждение о необходимости и целесообразности именно таким образом организованных властных отношений. Происходит это благодаря трансляции

¹⁴³Петрунин Ю. Ю. Политические ценности [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Петрунин. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. URL: <http://oleg-fedorov.nethouse.ru /static/doc/0000/0000/0026/26593.7454axw3fm.pdf> (дата обращения: 10.03.2015).

конкретного опыта в виде нарративов, суждений, которые становятся не просто пересказом исторического факта, а своеобразным толкованием складывающихся ценностных представлений. Политические ценности укоренены в культуре общества наряду с нравственными, эстетическими, экономическими, социальными. В политических ценностях человек выражает своё стремление к более справедливому обществу, к эффективно организованному государству, прогрессу.

Существуют варианты политических сознаний. На базе каждого из них формируется определенный тип человека – *homo politicos* («человек политический»), партии как организованной группы однотипных *homo politicos*, и государственных режимов, как результат прихода к власти соответствующей политической партии определенного типа *homo politicos*. Таких типов политических сознаний можно выделить семь: тоталитарное, консервативное, социалистическое (коммунистическое), либеральное, анархическое, демократическое и рабское. Первое и последнее взаимосвязаны, предполагают друг друга. Они не заключают в себе никакого позитива и потому не представляют никакой политической ценности.

Консерватизм, как утверждалось в первой главе настоящей работы, коренится в самой природе человека. В частности, в стремлении человека к самосохранению и удержанию в обществе того, что, по его мнению, уже на практике доказало свою способность служить этой цели, а именно, сложившемуся положению вещей. В первой главе исследования мы подробно описали основные ценности консервативной идеологии, куда помимо общеполитических ценностей (права и свободы человека, частная собственность, гражданское общество и пр.), также входят ценности, составляющие аксиологическое содержание консервативной идеологии: ориентация на историческую национальную самобытность; историзм; приоритет коллектива над индивидом; разумность жизни; сакральный характер политических норм и институтов; идеалы свободы; уважительное отношение к частной собственности; представления об общественном договоре как о конвенции между представителями разных

поколений; представление о традиции как склонной к изменениям структуре. Как отмечает К. Мангейм в работе «Диагноз нашего времени»¹⁴⁴, ценности консервативной идеологии обеспечивают то, что старый образ жизни и мышления не становится лишним, не умирает. Напротив, в той мере, в которой эти элементы прошлого действительно живы и имеют реальную социальную базу, они всегда трансформируются и приспособятся к новой стадии общественного и интеллектуального развития, и таким образом, сохраняют ту «нить» общественного развития, которая в противном случае была бы оборвана. В этом и есть неизменная сущность консерватизма.

Ведущая тема многих современных исследований – проблема ценностных изменений, с которыми столкнулась эпоха постмодерна¹⁴⁵. Английский социолог З. Бауман называет современное общество индивидуализированным¹⁴⁶. Согласно З. Бауману, индивидуализированному обществу присущи такие основные характерные черты, как утрата человеком контроля над социальными процессами; незащищенность перед переменами, которые он не в силах контролировать, и перед ситуацией неопределенности, в которой он вынужден жить. Отсюда следует неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и замена их сиюминутными, гораздо менее существенными результатами. З. Бауман констатирует появление индивида, который отщепился от социальных тканей, от мысли о «другом», лишился чувства социальной солидарности и ответственности. Он ставит только краткосрочные задачи, и вся жизнь напоминает спринтерский забег на короткое расстояние. Основная черта индивидуализированного массового общества, с точки зрения В.Г. Федотовой¹⁴⁷, заключается в индивидуализации без производства индивидуальности, личности, формирование эгоистического индивида, думающего только о себе самом. Новый индивид становится источником фрагментации общества, воспринимая даже события своей жизни как

¹⁴⁴ Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

¹⁴⁵ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6-32.

¹⁴⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

¹⁴⁷ Федотова В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

совокупность не связанных между собой эпизодов. Жизнь все чаще становится миром разных разрозненных миров, и целый человек в ней возможен, если он сможет научиться жить в них одновременно, сумев их в какой-то мере гармонизировать между собой. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на тех экзистенциальных проблемах, с которыми сталкивается отдельный индивид и общество в современности, это важная и сложная тема, выступающая предметом отдельного научного исследования. Мы стремились показать, что современный мир лицом к лицу столкнулся с кризисом существующей системы ценностей. При таком положении дел место консервативной идеологии неоднозначно. С одной стороны, она подвержена изменениям, как любое социальное образование, вынужденное отвечать на вызовы времени, с другой стороны, именно ее аксиологический срез остается сущностно неизменным и неподвластным изменениям. Ядро консервативной идеологии – это система ее норм и ценностных установок, которая и делает консерватизм консерватизмом. Как уже было сказано, консерватизм под этим углом зрения существует не только как идеология, но и как мировоззрение¹⁴⁸. Своей неизменностью в аксиологической части он дает основу для внедрения в современные социальные реалии более подвижных и гибких уровней. Представляется, что это его главное конкурентное преимущество в сравнении с другими идеологическими системами. Такое постоянство ценностей дает ему возможность оставаться актуальным в эпоху постмодерна. Если пользоваться терминологическим инструментарием марксистской философии, то в консервативной идеологии базисом является система ценностей, а надстройкой все остальные его уровни. Проанализируем аксиологические механизмы, которые обеспечивают возможность воспроизводства системы ценностей консервативного мировоззрения в современном обществе.

Представляется, что основным аксиологическим механизмом воспроизводства консервативного мировоззрения является миф. Интерес к

¹⁴⁸ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

мифологии рождается в начале XX века, а затем становится одним из характерных черт философии постмодерна.¹⁴⁹ В самом широком смысле под мифом в научной литературе понимается особый способ восприятия действительности, направленный на преодоление фундаментальных противоречий, существующих в социуме¹⁵⁰. Так Е. М. Мелетинский отмечает, что миф это «емкая форма или структура, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения». ¹⁵¹ Основной прагматической функцией этой структуры является регулирование и поддержка определенного природного и социального порядка, который выражается, в том числе, в циклической концепции вечного возвращения¹⁵². С точки зрения Р. Барта, в мифе сочетаются два момента: форма и понятие¹⁵³. Это дает нам право рассматривать миф не только как аксиологический механизм формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения (форма), но и как лингвистический (понятие). Опираясь на данное утверждение, далее проанализируем миф с точки зрения его формы, а в следующем разделе работы с точки зрения мифа как понятия.

С точки зрения своей формы миф «ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение... В этом главный принцип мифа – превращение истории в природу»¹⁵⁴. То есть размывание конкретики, устранение фактов и создание натурализованного неделимого образа той или иной значимой ситуации, в которой повествуется о конкретных аксиологических смыслах. Чтобы миф как воспроизводящий механизм был активизирован, необходимо наличие того, кто

¹⁴⁹ См. работы: Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2008. – 303 с.; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 406 с.; Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В. В. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 521 с.; Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. сл. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.; Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер; пер. с нем. – М.: Республика, 1996. – 327 с. и др.

¹⁵⁰ Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В.В. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 521 с.

¹⁵¹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. С. 10.

¹⁵² Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. сл. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 289.

будет «читать» данный миф. Именно «читатель» мифа способен пережить историю, которую он рассказывает как одновременно правдивую и фантастическую, для него образ созданный мифом естественным способом влечет за собой реальность. Применимо к консервативному мировоззрению можно привести следующий пример: консервативные ценности появляются как реакция на появление либеральных взглядов. Для того чтобы получить поддержку масс консерватизм прибегает к описанному выше приему натурализации значимых событий через миф, когда та или иная реальная история деформируется под структуру мифа и начинает транслироваться не как исторический факт, а как нарратив где есть свои герои и сюжет, который развивается по определенным правилам.

Как было отмечено выше, миф – это не просто повествование, он обладает четкой структурой: субъект, рассказывающий миф, делает это не в произвольном порядке, его повествование ограничено, предзадано логикой сакрального рассказа. Все мифы идут в определенной последовательности, существует определенная логика их разворачивания. Своей структурированностью мифы обеспечивают разрешение фундаментальных противоречий, представляя собой метод контакта с реальностью. Они выступают способом примирения человека с реальностью, их цель заключается в том, чтобы «дать логическую модель для разрешения некоего противоречия»¹⁵⁵. Это еще раз говорит о том, что миф возможно рассматривать не только как объект культурного наследия человечества, но и как некоторый механизм, встроенный в сознание и влияющий на воспроизводство социальности.

Так как миф обладает структурой, ее наличие дает возможность рассматривать его в качестве механизма, формирующего и воспроизводящего консервативное мировоззрение. Поэтому далее мы рассмотрим структурные элементы мифа в варианте, предложенном К. Леви-Строссом, и покажем, как данный механизм реализуется на практике.

¹⁵⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В.В. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 241.

Клод Леви-Стросс говорит о том, что в любом мифе, не зависимо от его смыслового содержания, можно выделить три структурных элемента. Первый элемент – инвариант, то есть базовое противоречие, которое лежит в основе существования мира. Второй элемент – сам мифический рассказ, который по своей сути является сообщением, содержащим в себе способ решения выявленного противоречия. Третий элемент – код, в него зашифровывается и с его помощью расшифровывается данное сообщение. Как правило, коды – это бинарные оппозиции. Коды, шифрующие и дешифрующие информацию, могут располагаться в различных плоскостях языка, таких как географическая, космологическая, социологическая, техноэкономическая и др. Теперь рассмотрим, как эти три структурных элемента участвуют в воспроизводстве консервативных ценностей.

1. Существует проблема, решение которой идентифицирует мировоззрение индивида, отражает его приверженность к той или иной идеологии: проблема отношения к социальным изменениям (переменам) и способам их реализации.

2. Приведем в качестве примера консервативной речи, отражающей мысли по данному поводу, ряд высказываний идеологов консерватизма: М. Оукшота и К. Мангейма. М. Оукшот в своей статье «Что значит быть консерватором?» пишет: «Перемены – это такие обстоятельства, к которым надо приспособливаться»¹⁵⁶ и далее «перемены вызывают грусть, а отнюдь не воодушевление: ведь и рай есть мечта о мире, не только совершенном, но и неизменном»¹⁵⁷. К. Мангейм в работе «Диагноз нашего времени» отмечает: «Консерватор со своей сильной привязанностью к принципу *quieta non movere* (не менять сложившееся положение) хотел бы избежать выяснения значений в этом их понимании, трактуя действительность как нечто, что попросту существует. ... Консерватор умеет наделять явления смыслом только путем их «округления» и приспособления к большому целому».¹⁵⁸ Вот еще одно высказывание немецкого теоретика: «Земля –

¹⁵⁶Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. С. 66.

¹⁵⁷Там же. С. 70.

¹⁵⁸Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. С. 608.

настоящий фундамент, на который опирается и на котором развивается государство, так что только земля может создать историю. Мимолетный индивид заменяется более постоянным фактором – землей как основой событий».¹⁵⁹

3. Теперь проанализируем коды, которые используются в приведенных выше высказываниях. Эмоциональный код – когда говорится о воодушевлении, бинарной оппозицией которому будет упадничество, скорбь. Здесь проводится скрытая аналогия преобразований с тем, что несет отрицательные эмоции. Религиозный код – когда говорится о рае. Соответственно ад будет образом, с которым должны ассоциироваться революционные тенденции. Геометрический код – когда говорится о части и целом и об «округлении». Соответственно «угловатость», прерывность, разрыв между частью и целым предполагает негативные коннотации по отношению к социальным изменениям. Космологический код – когда говорится о земле. Земля воспринимается здесь как метафора фундаментальности, масштабности в противовес воздуху или воде как чему-то постоянно изменчивому, нестабильному. Данные коды базируются на архетипах, свойственных европейской культурной традиции, и апелляция к ним позволяет в простой, образной форме донести сообщение, смысл которого заключается в негативном восприятии консерватизмом перемен, особенно в их радикальном варианте.

Если миф – это аксиологический механизм, обеспечивающий воспроизводство консервативного мировоззрения в процессе повествования («теория»), то ритуал является механизмом воспроизводства консервативного мировоззрения в процессе действия («практика»). Рассмотрим сущность действия этого механизма.

Принято считать, что ритуал это сложная форма символического действия, своего рода правила игры, которые в том числе используются в различных типах социального поведения. Ритуалы являются важной составляющей в структуре

¹⁵⁹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. 609 – 610.

повседневности.¹⁶⁰ Они дают возможность индивиду интерпретировать окружающий мир, выступая своего рода схемами, с которыми индивид соотносит все свои восприятия и переживания. С помощью ритуала предшествующее знание о мире становится типичным, то есть несет в себе открытый горизонт похожих будущих переживаний. В современном мире ритуалы играют роль общественных скреп, поддерживают социальный порядок. Жизненные ситуации, которые происходят в повседневности, предполагают ритуализацию символических действий их участников, иначе события переходят в ряд неординарных и вклиниваются в повседневность, прерывая ее. С точки зрения отечественного исследователя Н. В. Розенберг «ритуальное вовлечение не только создает надлежащий настрой на символ (высказывание), но и обеспечивает его легитимный (в обыденном понимании) статус»¹⁶¹. Повседневность со своим стремлением к упрощению, элементаристике растворяет базовые социальные ценности (родины, семьи, землячества, народа, профессии и т.д.). Через ритуал индивид демонстрирует коллективную сопричастность этим ценностям, преодолевает сомнения в осмысленности собственного существования. Ритуал способствует преемственности между индивидом и группой, между малыми и большими группами, чьи интересы пересекаются между собой.

Как пишет К. Вульф¹⁶², ритуал стоит отнести к наиболее действенным формам человеческой коммуникации и взаимодействия, так как ритуал – это «институциональные образцы, в которых инсценируются и исполняются коллективно разделяемое знание и коллективно разделяемая практика и в которых получают подтверждение самопредставление и самоинтерпретация общественного порядка».¹⁶³ Ритуалы являются своего рода социальными композициями, в которых учреждается порядок и иерархия в совместном

¹⁶⁰ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

¹⁶¹ Розенберг Н. В. Динамические дуальности культуры повседневности [Электронный ресурс] / Н. В. Розенберг // Аналитика культурологи. – 2012. – №23. – Электрон. версия печат. публ. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-dualnosti-kultury-povsednevnosti> (дата обращения: 28.03.2015).

¹⁶² Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, восприятие [Электронный ресурс] / К. Вульф. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/13/1270180955/%D0%92%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%84_2010_N3.pdf (дата обращения: 28.11.2014).

¹⁶³ Там же.

социальном действии индивидов и интерпретация этого действия. Они порождают сильные эмоции и чувство связанности индивидов, что дает возможность рассматривать их как одну из форм продуцирующую социальную идентичность. И если в эпоху модерна в соблюдении тех или иных ритуалов было задействовано достаточно малочисленное количество индивидов, то с появлением медиа стало возможно говорить о медиатизации ритуала. Медийность пространства с его информационно-коммуникационными технологиями обеспечивает возможность восприятия и переживания ритуального действия миллионами человек одновременно по всему земному шару.

При помощи ритуалов индивид может интерпретировать социальное пространство, тем самым вписываясь в него. Ритуал является сосудом для хранения одной из базовых категорий консервативного мировоззрения – традиции. Через ритуал происходит ее трансляция и воспроизводство в социуме. Далее рассмотрим, через какие специфические каналы ритуала происходит трансляция и воспроизводство традиции и традиционных для консерватизма ценностей.

С помощью ритуала формируются разделяющие консервативные установки социальные сообщества.¹⁶⁴ Представляется, что сущность сообщества заключается в том, что оно является причиной, процессом и следствием реализации ритуала. Ритуал как циклично воспроизводящееся действие (или комплекс действий) является воплощением традиции на практике. Семья как пример сообщества, построенного на ритуалах, является одной из базовых ценностей консервативного мировоззрения. Создание семьи начинается с ритуала бракосочетания. Весь период существования данного вида сообщества сопровождается теми или иными ритуалами, будь то рождение ребенка или погребение одного из умерших членов семьи. Через ритуал транслируются традиционные консервативные представления о семье, такие как полнота семьи (обязательное наличие в ней двух разнополых супругов, детей и т.д.), один брак

¹⁶⁴ Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, восприятие [Электронный ресурс] / К. Вульф. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/13/1270180955/%D0%92%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%84_2010_N3.pdf (дата обращения: 28.11.2014).

на всю жизнь (консерватизм негативно относится к разводам), формирование семейного дела, капитала, единство членов семьи (семейные ужины, семейные советы, семейные праздники и т.д.). Через ритуал происходит закрепление семейных традиций в эмоциональной, символической, перформативной формах. Следует отметить, что в обществе постмодерна развивается искаженное восприятие института семьи и брака как союза однополых партнеров, что не характерно ни для культурной традиции, ни для биологической сущности человека. Тем не менее, такого рода брачные ритуалы возможно трактовать как манифестацию новых (преимущественно европейских) ценностей, против которых выступает консервативное мировоззрение, поскольку это не просто прерывание традиции, а доведение ее до состояния абсурда, в терминологии постмодернистских авторов – пастиша.¹⁶⁵

Ритуал обеспечивает восприятие традиции как власти порядка и способствует созданию правил, которые являются источником формирования традиции. В данном случае ритуал создает особую форму реальности. Здесь речь идет не о восприятии действительности в категориях «истина-ложь», а в этических категориях «правильного-неправильного». «Правильность совместного действия означает, что участники ритуала могут декодировать символичность ситуации по определенным, созданным ритуалом правилам».¹⁶⁶ Это обеспечивает ощущение причастности, возможности идентифицировать себя с единой общностью, например, консерваторов.

Ритуал обеспечивает не только восприятие традиции, но и ее проекцию в будущее через актуализирующиеся с его помощью процессы воспоминания прошлого. В процессе воспоминания прошлого происходит создание связи с настоящим, которому угрожает забвение, и прошлым, которое значимо для сообщества в качестве традиции или истории.

¹⁶⁵ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 23.08.2014).

¹⁶⁶ Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, восприятие [Электронный ресурс] / К. Вульф. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/13/1270180955/%D0%92%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%84_2010_N3.pdf (дата обращения: 28.11.2014).

С помощью тех или иных ритуалов, присущих консервативной традиции, обеспечивается преодоление социальных кризисов. Такая консервативная ценность как национальное государство дает индивиду возможность в глобализирующемся, наполненном различного рода кризисами мире ощущать чувство стабильности, так как именно оно способно выступить гарантом устойчивости социальной жизни. В качестве примера можно привести наличие государственных социальных гарантий (пенсии, пособия, субсидии и т.д.). Индивид, отождествляя себя с государством через институт гражданства, становится частью достаточно большого сообщества, которое выступает в виде нации. Также ритуал может выступать как средство устранения различий, то есть индивид, находящийся вне традиции, пройдя процесс инициации через участие в ритуальном действии, приобретает возможность идентификации себя с сообществом. Конечно, современные сообщества не всегда отличаются устойчивостью, все зависит от их сущности и типа, вместе с тем именно через ритуал возможно пролонгировать его существование (например: Ассоциация выпускников ВУЗа, такое сообщество, как группа студентов, существует в течение определенного количества времени, затем распадается естественным способом, сообщества же выпускников не ограничено объективными временными рамками).

Еще одно свойство ритуала, которое дает возможность воспроизводства традиции, – это миметичность.¹⁶⁷ Повторение социального действия не приводит к его точному воспроизведению, оно всегда создает новую ритуальную ситуацию, в которой различия по отношению к предшествующей ситуации выступают возможностью развития традиции и адаптации ее к конкретным социальным условиям. А. Тойнби говорит о том, что с помощью мимесиса возможно приобщение к социальным ценностям, так как он является общей чертой

¹⁶⁷ Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, восприятие [Электронный ресурс] / К. Вульф. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/13/1270180955/%D0%92%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%84_2010_N3.pdf (дата обращения: 28.11.2014).

социальной жизни.¹⁶⁸ Существуют два направления действия мимесиса. Первое ориентировано на старшее поколение, почитающее умерших предков, авторитет которых поддерживается старейшинами и обеспечивает влияние и престиж власти. Там, где мимесис направлен в прошлое, существует господство обычая, там общество статично. Второе направление действия мимесиса реализуется через консервативное мировоззрение, направлено в будущее и ориентировано на творческих личностей. Здесь традиция, ритуал подвержен изменению, постоянно пересматривается на предмет актуальности. Делая вывод, отметим, что ритуал как механизм воспроизводства консервативного мировоззрения, опираясь на базовые идеи консерватизма, формирует образ будущего, вплетая инновации в канву традиции.

В данном разделе работы были проанализированы аксиологические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. В ходе исследования были представлены два базовых аксиологических механизма: миф, с его воспроизводящей традицию структурой, и ритуал, направленный на адаптацию традиции к изменениям будущего.

3.2 Лингвистические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения

В XX веке философская мысль обращается к проблеме языка. Структурная лингвистика, существенно изменившая представления о формах и способах человеческого мышления, выдвинула на первый план языковые проблемы, которые пронизывают все сферы мыслительной деятельности человека, в том числе политическую.

¹⁶⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 100.

Структурно-лингвистические исследования политической философии наглядно проявляются в аналитике власти¹⁶⁹. Властные отношения интересовали философию на протяжении всей ее истории, так как именно феномен власти является одной из главных характеристик политического. Со структуралистской точки зрения, властные отношения закреплены в языке. Любое предложение, любая грамматическая конструкция, любой язык есть не что иное, как структура властных отношений. Получается, что грамматическая структура предложения олицетворяет собой образ власти. В ней всегда есть подлежащее, которое может быть рассмотрено как «суверен», хранитель или представитель «властной инстанции», сказуемое, которое может представлять собой действие, исходящее из «суверенного» подлежащего или его состояния. Кроме того, в распространенной грамматической конструкции имеются еще и «объекты власти» или «подданные суверена», на которые распространяется власть (действие) подлежащего через сказуемое – это всевозможные дополнения, наречия и пр.¹⁷⁰ Таким образом, любое предложение представляет собой организацию иерархических отношений, а это свидетельствует о том, что любое предложение, воспроизводимое нами, воссоздает, утверждает, закрепляет и структурирует властные функции. Следовательно, стихия языка и стихия власти – это функционально явления одного порядка. Власть не только осуществляет себя через язык, но и организует сам язык, определяет его структуру, отображает себя в нем.

Когда человек пересекает границу сферы индивидуального и попадает в сферу общественного, он автоматически оказывается в пространстве языка и пространстве иерархических (властных) отношений. Но так как человек с рождения вовлечен в языковую среду, эта граница условна и размыта. Учась произносить первые слова и фразы, ребенок включается в структуры власти: в

¹⁶⁹ См.: Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар / Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987; Вайнрайх Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрайх / Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987; Верещагин М. Речевые тактики «призыва к откровенности» / М. Верещагин, Р. Ратмайер, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6. – С.82-93. и др.

¹⁷⁰ Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти. / Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Р. Блакар; сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

каждом правильно составленном и правильно понятом, расшифрованном предложении заложен сценарий управления, подчинения, иерархии, неравенства.

Прямая связь языка с явлением власти дает нам возможность говорить о существовании «политического языка». Конечно, любой язык несет в себе элементы политического и идеологического, так как распределение властных функций в нем отражает (прямо или косвенно) глубинные политические и идеологические установки соответствующих культур. Однако политические элементы в обыденном языке достаточно глубоко зашифрованы. Политический язык как таковой обозначает не просто влияние политического на речь, это есть всегда и везде, но особое направление в феномене политического, которое отвечает за организацию высказываний, соответствующих конкретному политическому направлению. Это в большинстве своем искусственный, технически образованный язык, создаваемый для конкретных целей и призванный закрепить в обществе некоторые наиболее важные принципы, смысловые, ценностные, культурные установки. Как правило, политический язык влияет на естественный (обыденный) язык, создает систему социальных кодов, программирует систему индивидуального и группового поведения, воспитывает людей в определенной ценностной системе, может распределять моральные приоритеты и ставить цели.

В идеологическом срезе политического языка сосредоточены наиболее общие и основополагающие элементы конкретной политической системы.¹⁷¹ Идеология представляет грамматику и морфологию политического языка, содержит в явном виде свод принципов и правил, в соответствии с которыми строится политическая речь. Именно она способствует тому, что адресат при декодировке сообщения выбирает те или иные лексикоды, так как для нас важно, анализируя политический дискурс, понимать идеологию не как замутненный взгляд на мир или выбранную точку зрения, а как тесно связанный с риторикой феномен, включающий в себя всю совокупность знаний адресата об окружающей

¹⁷¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; перев.с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб: Симпозиум, 2004. – 544 с.

его действительности. Представляется, что идеология выступает как система знаков, особый код, который позволяет описать знания и представления субъекта об окружающем мире, в том числе политические взгляды и их устройство. Именно политическая идеология подает себя в качестве универсальной инстанции, отталкиваясь от которой можно вывести любое суждение по любому поводу. Таким образом, идеология выполняет функции языка для тех, кто с ней солидарен и готов выстраивать дискурс по ее законам. Для тех же, кто оспаривает ее правомочность, она не больше чем предложения, требующие анализа, подлежащие дополнительному истолкованию и дешифровке. Следовательно, одна и та же фраза может быть дешифрована по-разному в зависимости от того, к какой идеологии принадлежит адресат, либо, если требуется, объективная интерпретация лексокода, то принимается во внимание идеологическая принадлежность адресанта. Здесь нужно отметить, что идеология и риторика в таких условиях взаимосвязаны, и задача исследователя, стремящегося к экспликации идеологических установок, состоит в том, чтобы очистить речевое сообщение от риторических приемов и уловок. Вместе с тем, как отмечает У. Эко, «идеология формирует предпосылки для риторики, и те со временем обретают стилизованную, всеми узнаваемую форму»¹⁷².

Представляется, что, говоря о лингвистических структурах политического языка, необходимо обратиться к понятию дискурса, который выступает как «характеристика особой ментальности и идеологии, выраженной в тексте, обладающей связностью и целостностью, погруженной в жизнь, социокультурный, социально-философский и другие контексты».¹⁷³ Одним из ведущих теоретиков, разрабатывающих теорию дискурса в философии постмодернизма, является М. Фуко¹⁷⁴. Согласно его точке зрения, дискурс – это сложная и дифференцированная практика, подчиняющаяся доступным анализу

¹⁷² Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб: Симпозиум, 2004. С. 138.

¹⁷³ Гутнер, Г. Б. Дискурс // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 1. – С. 670-671.

¹⁷⁴ Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб.: Гуманитар. акад., 2004. – 412 с.

правилам и трансформациям¹⁷⁵. С одной стороны, дискурс воспринимается как конституирующий принцип социального, он управляет поведением тех, кто включен в него, формирует для них объективные условия существования. С другой стороны, сам дискурс формируется реальными условиями, в которых он существует. Такая амбивалентность позволяет говорить о том, что дискурс условно может быть разделен на два слоя: слой изменяющийся, находящийся под влиянием реальности, и слой постоянный, который сам влияет на становление новой реальности. Во втором случае, дискурс является сверхфразовым, устойчивым образованием, который порождает высказывания и производит тексты. Соответственно, его продуцирование происходит в актуальных коммуникативных актах, речи и текстах, согласно определенным правилам (синтаксис) и с определенной семантикой. Поэтому мы можем рассматривать дискурс как механизм трансляции ценностных установок прошлого в становящуюся социальную реальность, в том числе посредством лингвистических практик.

Рассмотрим политический дискурс консервативной идеологии с точки зрения возможности ее воспроизводства на лингвистическом уровне.

Политический язык консервативной идеологии содержит ряд теоретических положений, которые служат базовой структурой для построения консервативного политического дискурса. В качестве основных положений, на которых строится этот язык, можно выделить следующие принципы:

1. Примат традиции применительно ко всем взаимоотношениям, выстраиваемым индивидом с окружающим миром.
2. Приоритет общественного над индивидуальным на всех уровнях социальных отношений. Органический характер устройства общества.
3. Интеграционный потенциал религии как некоего высшего хранителя культурных, социальных и политических ценностей.

¹⁷⁵ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко; пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 446 с.

4. Национальное государство как основа представления консервативной идеологии о модели государства.

Эти положения являются базовыми аксиомами – грамматическими правилами языка консервативной идеологии. Все они подразумеваются сторонниками консерватизма как элементы, к которым обращаются как к бесспорным аргументам. Соответственно, опираясь на базовые для консерватизма ценностные установки, язык обеспечивает коммуникативные связи между всеми носителями консервативного мировоззрения.

Рассмотрев понятие дискурса в качестве одного из механизмов, отвечающих за формирование и воспроизводство консервативного мировоззрения, обратимся к следующему механизму тесно связанному с ним. Как было отмечено в предыдущей части работы, миф как механизм воспроизводства имеет две стороны: аксиологическую по своей форме (существу) и лингвистическому по своей структуре (понятие). С точки зрения Р. Барта, современные мифы существуют в форме дискурсов, они не более чем корпус фраз (стереотипов).¹⁷⁶ Более того, миф принадлежит области метаязыка, то есть языка в котором создаются не сами вещи, а имена этих вещей. В нем вещи социализируются, приобретают общественную значимость. Миф один из инструментов метаязыка по универсализации свойств вещи, превращении ее в нечто многоликое и подвижное, включении ее в бесконечную цепочку общественных отношений. Р. Барт пишет, что «язык предоставляет мифу как бы пористый смысл, легко способный набухнуть просочившимся в него мифом»¹⁷⁷. Миф интересен для обывателя не с позиций истинности, а с позиции прагматики – насколько он может быть применим, насколько может сделать понятным то или иное событие. То есть, как лингвистический механизм формирования и воспроизводства, миф работает следующим образом: заложенные в нем аксиологические установки транслирует с помощью метаязыка таким образом,

¹⁷⁶ Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.

¹⁷⁷ Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. сл. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. С. 293.

что индивид воспринимает и принимает это содержание как нечто «природно-вечное», не требующее доказательств, констатированное.

Вместе с тем современная культура, являющаяся продуктом «общества потребления», отрывается от описания реальности, переходя в мир симулякров.¹⁷⁸ Ж. Бодрийяр называет современность гиперреальностью, из которой вытеснены классические культурные, а, следовательно, и языковые установки. Для иллюстрации данного положения, вслед за Ж. Бодрийяром, обратимся к исследуемому им феномену соблазна. Для нас важно, при прочей смысловой нагрузке этого понятия, определять соблазн как некоторую игру, сопряженную с понятиями «вызова» и «чести» в аристократической культуре, то есть культуре, ценности которой отражены в идеалах консерватизма, в его языке. Соблазн – знаковый конструкт, культурный код, который «всегда относится к строю искусственности, строю знака и ритуала»¹⁷⁹. Поскольку соблазн может быть отнесен к самой структуре субъективности индивида, то через него индивид вписывается в мир. Именно поэтому соблазн как код прослеживается в ценностях аристократической консервативной культуры наравне «с ценностями крови и рождения, вызова и обольщения или на фоне ценностей коллективных, религиозных и жертвенных»¹⁸⁰.

В современном обществе потребления соблазну остается все меньше места, его заменяют желание и наслаждение – «подчиненные формы», с помощью которых можно обольщать и манипулировать массами. Прослеживается существенная связь между постмодернистской культурой и постнеклассическим научным знанием с его высокими технологиями и средствами электронной информации. Их совокупное влияние на современную культуру приводит к усилению шума и релятивистской индетерминированности аксиологического поля. Для того чтобы истинный «соблазн» как культурный код, обуславливающий трансляцию и воспроизводство традиционных ценностных установок, мог

¹⁷⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.

¹⁷⁹ Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. С. 26.

¹⁸⁰ Там же. С. 85.

сохраниться в современных реалиях, он находит свое убежище в семантике консервативного языка. Вместе с тем язык консервативной идеологии, за счет нахождения в нем такого лексикода, как соблазн, наделяется еще одним лингвистическим механизмом формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения.

В данной части исследования были выявлены лингвистические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна, которые выражаются в лексикодах консерватизма, встраивающихся в повседневный язык и в выделении культурного кода консерватизма – соблазна, который обеспечивает преемственность консервативных ценностей в языке.

3.3 Прагматический аспект формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения

Прагматический уровень и, соответственно, прагматические механизмы воспроизводства находятся в практической, повседневной плоскости существования консервативного мировоззрения. Консервативная идеология, как комплекс взглядов на организацию и существование социального пространства, находится в состоянии перманентной подстройки под тенденции общественного развития, что позволяет ей быть актуальной на каждом этапе развития социума. Поэтому в данном разделе в качестве одного из прагматических механизмов мы будем рассматривать возможность синтеза консервативной и либеральной идеологии как механизма, расширяющего возможности трансляции консервативного мировоззрения в обществе постмодерна.

В современном политическом пространстве Запада практически нет самостоятельной чистой консервативной или либеральной традиции. Основное направление западной мысли, которое можно назвать либеральным, органически впитало в себя главные элементы консерватизма, восходящие к Э. Бёрку, Ал. де Токвилю и другим авторам консервативной идеологии. В

постмодернистском обществе основные идейно-теоретические течения на сущностном уровне взаимопереплетены, а на уровне практической политики отличаются лишь соотношением основных установок, в зависимости от социальных групп, к которым они обращены.

По мнению отечественного философа А. Зиновьева¹⁸¹, либерализм, консерватизм и социализм – это идеологии одной эпохи, имя которой «модерн», они не несут в себе коренных противоречий, а лишь изменения, которые проходят в рамках одной идеосферы. В современной философской литературе часто встречается точка зрения на либерализм как на угасающее, находящееся в кризисе, либо полностью потерпевшее крушение идеологическое течение. Такие видные теоретики, как Им. Валлерстайн, Г. Рормозер связывают смерть либерализма с крахом социалистических режимов в 90-х гг. XX века. Так, например, Им. Валлерстайн пишет, что «крах коммунистических режимов представляет собой не окончательный успех либерализма как идеологии, а решительный подрыв способности либеральной идеологии продолжать играть свою историческую роль».¹⁸² Г. Рормозер предъявляет обвинения либерализму в философском бессилии, имея в виду именно политическую философию, а еще более конкретно – отсутствие высоких духовных целей. Вся экономическая и техническая мощь западного мира будет ни к чему, пока это общество живет с ложной политической философией, полагает автор. «До сих пор западному миру было просто оправдывать свое существование и обосновывать свой смысл. Для этого достаточно было постоянно ссылаться на необходимость альтернативы реальному социализму. В духовном отношении, идеологически и политически мы жили в определенной мере за счет социализма, самого факта его существования».¹⁸³

Консерватизм и либерализм не противоречат друг другу, как это кажется на первый взгляд, а являются разными точками зрения, находящимися в рамках

¹⁸¹ Зиновьев А. А. Запад / А. А. Зиновьев. – М.: Изд-во Алгоритм; Изд-во Эксмо, 2007. – 512 с.

¹⁸² Валлерстайн Им. После либерализма / Им. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 6-7.

¹⁸³ Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер; пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. С. 6.

одной идеосферы, основные постулаты которой были заложены в эпоху Просвещения¹⁸⁴. Представляется, что это главный аргумент в вопросе о возможности синтеза этих идеологий, так как, находясь в рамках единого философского дискурса и различаясь лишь в точках зрения на развитие общественно-политических процессов, они говорят на одном языке и пользуются одним и тем же категориальным аппаратом, что является основанием для утверждений о возможности плодотворного синтеза консерватизма и либерализма.

Социально-философский и политический синтез консерватизма и либерализма возможен при разделении приоритетных зон влияния между двумя идеологиями. Так, область приоритетов либеральных взглядов должна находиться в сфере экономики и управления, а консервативных – в вопросах формирования таких фундаментальных категорий, как государство, культура, духовные ценности. При разделении сфер влияния таким образом, возможен плодотворное партнерство консерваторов и либералов, где будут учтены не только ценности свободного рынка и сильной экономики, но и более глубинные основания для процветания современного общества, такие как религия, культурные и этические ценности.

Союз консервативной и либеральной идеологии может быть успешен настолько, насколько сможет охватить всю полноту существующих социально-философских и политических представлений о современном обществе и о путях его дальнейшего развития. Такой союз не только дает полную картину всех существующих социальных явлений во всем их разнообразии, но и расширенную, плюралистическую методологию для решения всевозможных социально-философских и политических проблем, возникающих перед обществом в XXI веке.

Помимо синтеза консерватизма и либерализма, рассмотрим еще один механизма формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в

¹⁸⁴ Валлерстайн Им. После либерализма / Им. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

обществе постмодерна. Суть данного механизма заключается в актуализации концепта национального государства, артикулированного как в идеях консерватизма, так и постмодернизма.

На первый взгляд, в обществе постмодерна нет места государству в том виде, в котором его понимает консервативная идеология. В области политического все чаще преобладают национальные группы, транснациональные корпорации, время империй прошло, государство как доминирующий субъект политики утрачивает свою силу, утрачивают влияние такие важные политические концепты, как «национальный интерес», «суверенитет». Государство, как феномен политического, перестает быть самодостаточным еще с 60-х гг. XX в., когда возникает практика видения сущности государства с позиций конкретной политической идеологии. Это демонстрирует социализм с его стремлением построить коммунистическое государство, или либерализм с идеями государства всеобщего благосостояния, или консерватизм с пониманием государства как национального и суверенного. Следует отметить, что на сегодняшний день попытки построить коммунистическое государство стали достоянием истории. Последний мировой экономический кризис показал, что либерализму приходится частично пересматривать свои позиции по поводу государства. Консервативный же вариант интерпретации государства периодически получает признание как со стороны электората, так и со стороны других субъектов политики. Такое положение дел обуславливает возможность существования гипотезы о том, что феномен государства в его консервативной интерпретации имеет шанс на социальное возрождение и философское осмысление в современном пространстве политического. Для подтверждения данной гипотезы обратимся к идеям Ф. Джеймисона¹⁸⁵ как одного из ярких и вместе с тем глубоких теоретиков постмодернизма, который вместе с тем большое внимание в своих работах уделяет аналитике взаимосвязей культурного и политического в обществе постмодерна.

¹⁸⁵ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 23.08.2014).

Ф. Джеймисон в первую очередь занимается анализом культуры, а уже потом на его основании возводит концепцию современного общества. В своих трудах он выделяет три стадии развития капиталистического общества и говорит, что в эстетическом плане с ними соотносятся три стиля: национальный капитализм – реализм, монополистический капитализм – модернизм, и многонациональный капитализм – постмодернизм. Философ трактует постмодернизм как «культурную логику позднего капитализма», связывая его прежде всего с появлением общества потребления. Такое восприятие постмодерна дает возможность автору отказаться от семантических тонкостей и перейти непосредственно к анализу основных черт данного явления. В своих теоретических изысканиях Ф. Джеймисон описывает ряд сущностных, с его точки зрения, характеристик постмодернизма, среди которых интерес для данного исследования будут представлять следующие: «политическое бессознательное» как неотъемлемая часть сознания человека, через которую происходит интерпретация всей окружающей действительности, и «пастиш» как «ношение стилистической маски» и отсутствие возможности создания чего-то совершенно нового.¹⁸⁶

Если понимать постмодернизм как культурную логику современности, а государство как один из элементов культуры (в данном случае культура понимается в самом широком смысле, как продукт созидательной деятельности человека), то это дает возможность обосновать актуальность существования концепта национального консервативного государства в современном обществе постмодерна. Это возможно, если мы говорим не о культуре в целом, а о постмодернизме как культурной логике, желающей объединить социокультурные и социально-экономические, политические сферы жизни общества.

Ф. Джеймисон заявляет о характерной черте постмодерна – «смерти субъекта», конце индивидуализма и всего индивидуального. С точки зрения философа, сегодня старый буржуазный субъект прекратил свое существование. Эпоха господства приватной идентичности с ее уникальным видением мира

¹⁸⁶ Джеймисон Ф. Теории постмодерна / Ф. Джеймисон // Искусствознание. – 2001. – № 1. – С. 111-122.

подошла к концу. «Да, когда-то, в классическую эпоху предпринимательского (competitive) капитализма, в момент расцвета нуклеарной семьи и появления буржуазии как господствующего класса, была такая вещь как индивидуализм, как индивидуальный субъект. Сегодня, в эпоху корпоративного капитализма, в эпоху организаций, бюрократий в бизнесе и государственной сфере, демографического взрыва - сегодня старый буржуазный субъект больше не существует».¹⁸⁷ А так как именно индивидуализм – краеугольный камень либеральной идеологии, то для нее наступают непростые времена. Напротив, если мы говорим о консервативном государстве, то там изначально наделенный индивидуальностью субъект находится в зависимом положении от общества и государства. Здесь первична общность, а индивидуальность – вторична. Получается, что социальные и идеологические тренды постмодерна находятся в одном смысловом поле с базовыми компонентами консервативной идеологии.

С другой стороны, если субъект умер, все становится пародией и обретает безликие образы. И здесь вступает в силу такое явление, описанное в Джеймисоновской концепции, как пастиш. Это неотъемлемая часть культуры постмодерна, заключающаяся в попытке своеобразного пародирования модерна, поскольку уже нет возможности высмеивать индивидуальные стили, поскольку нет того, от чьего имени они будут высмеивать. Именно в таком положении консервативное государство становится источником идентичности массы, ориентиром, дающим субъекту психологическую устойчивость в обезличенной действительности, в мире пастиша. Если мы говорим о государстве как об элементе культуры, то следующее утверждение автора более чем оправдано: «Отсюда вновь – пастиш: все, что нам осталось в мире, где стилистические инновации более невозможны, - так это имитировать мертвые стили, говорить через маску голосом этих стилей из воображаемого музея».¹⁸⁸ Конечно,

¹⁸⁷ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 04.05.2014).

¹⁸⁸ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 04.05.2014).

национальное государство – это изобретение общества модерна, но если придерживаться концепции Ф. Джеймисона, то ничего не исчезает бесследно, все становится пастишем, и государство как элемент культуры не исключение. Такая позиция философа позволяет нам получить очередной аргумент в пользу актуальности идеи консервативного государства в эпоху постмодерна.

Еще один аргумент в пользу того, что концепт национального государства рано отправлять в архивы истории, – это концепция Ф. Джеймисона о «политическом бессознательном».¹⁸⁹ При определении «политического бессознательного» философ исходит из двух основных посылок. Первое: сознание каждого индивида идеологически обусловлено. Второе: индивид не знает о своей идеологической обусловленности. С точки зрения Ф. Джеймисона, «политическое бессознательное» существует в культуре и является ее неотъемлемой частью.¹⁹⁰ Представляется, что поскольку государство может быть рассмотрено в качестве элемента культуры, то и оно воспринимается через «политическое бессознательное». Идея «политического бессознательного» может являться основанием для переноса концепта государства из области политического в область культуры. Такое в философской традиции уже случалось, о чем свидетельствует работа немецкого философа и культуролога Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии»¹⁹¹. А поскольку, как было сказано выше, постмодернизм занимается проблемой пастиша модерна, то для подтверждения нашей идеи об актуальности консервативного государства в обществе постмодерна обратимся к концепции «государства как произведения искусства» Я. Буркхардта.

Идее Я. Буркхардта о том, что государство может быть сравнимо с произведением искусства, более полутора веков, но до сих пор актуальность такого сравнения бесспорна. В самом широком смысле слова искусство можно

¹⁸⁹ Jameson F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. – NY: Cornell University Press, 2014 – 320 p.

¹⁹⁰ Назарова О. Ю. Анализ современного состояния культуры в философии Ф. Джеймисона / О. Ю. Назарова // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии. Материалы конференции. – СПб. – 2006. – С. 78-83.

¹⁹¹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии / Я. Буркхардт. – М.: Юрист, 1996. – 591 с.

понимать как одну из форм человеческой деятельности по освоению окружающего мира. М. Ю. Лотман пишет о том, что «искусство – это форма мышления, без которого человеческого сознания не существует».¹⁹² Когда мы говорим, что произведение искусства – это не просто сотворенное явление или вещь, то мы утверждаем, что это задуманное спланированное действие по созданию чего-либо, и государство – не исключение, ведь весь процесс управления имеет конечную, заранее спланированную цель. Я. Буркхардт утверждает, что только то государство является произведением искусства, которое воплощает свои властные амбиции, заботится о гражданах и является обладателем, как мы бы сейчас сказали, «реального суверенитета». То есть не номинальным правом осуществлять власть и не давать возможности напрямую управлять собой извне, а реальными полномочиями по охране порядка, защите границ и законотворческой деятельности.

Искусство как форма мышления, испытывавшая гонения в период Средневековья, получает реабилитацию в эпоху Возрождения. И связано это не только с появлением светского искусства, но и с осмыслением в категориях творчества всех сфер общественной жизни, в том числе и политики. Я. Буркхардт пишет, что «в государствах того времени впервые появляется дух современного европейского государства, поглощенного собственными интересами, демонстрирующего свой ужасный и ничем не ограниченный эгоизм, ставящий себя выше права и подавляющего в зародыше любое здоровое начинание; но там, где эта тенденция преодолевается или как-то уравнивается, на исторической сцене появляется нечто новое: государство как рассчитанное и продуманное творение, государство как произведение искусства».¹⁹³ Именно правители того времени начали первыми реализовывать себя в роли художников, в роли творцов власти, осмысленных управленцев.

Государство своей внутренней стройностью, логической непротиворечивостью, обязательным замыслом, то есть осознанным, зависящем

¹⁹² Лотман М. Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства / М. Ю. Лотман. – СПб.: Академический проспект, 2002. С. 265.

¹⁹³ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии / Я. Буркхардт. – М.: Юрист, 1996. С. 64.

от рефлексии, покоящимся на зримых основаниях творением должно было приближать правителя к положению художника, окрыленного музой, создающего гениальный шедевр. Человек эпохи Возрождения начинает понимать, что свобода творчества принадлежит не только Богу, но и ему самому, что именно он может раздвигать границы мироздания, изменять мир вокруг себя, в том числе и государство.

В современных государствах свобода творчества человека выливается в свободу его волеизъявления. С таких позиций государство может предстать не только как результат «общественного договора», устраняющий «войну всех против всех», но и как акт коллективного творчества, подобный произведению искусства. Сегодня гражданские права и свободы можно сравнить с палитрой красок художника или с инструментами в мастерской скульптора, именно с их помощью каждый житель страны может внести свой творческий вклад в создание произведения искусства.¹⁹⁴

Искусство отличается от всех прочих форм познания мира еще и тем, что рассматривает вещь безотрывно от ее развития, в движении, в динамике. В нем предметы утверждаются в своей уникальности и полноте бытия. Также и государство несет отпечаток неповторимости, особенности, который обусловлен не только историческими предпосылками, но и индивидуальностью его граждан. Культура неотделима от искусства, а если воспринимать государство как произведение искусства, то и культуре в нем должна отводиться особая роль. Культурная составляющая должна быть краеугольным камнем, сплачивающим вокруг себя социум. Именно она является источником национальной идентичности, обеспечивающим своеобразие, неповторимость государства.

Говоря об актуализации идей консерватизма посредством использования аргументов из области эстетического, мы сталкиваемся с проблемой значимости и практической полезности эстетического аргумента для широких масс. Это связано

¹⁹⁴Совместное заседание Московско-Петербургского философского клуба и Флорентийского общества по теме Государство как произведение искусства // Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Ин-т философии РАН; Московско-Петербургский философский клуб; отв. ред. А. А. Гусейнов. – М.: Летний сад, 2011. – 288 с.

прежде всего с тем, что эстетика как направление интеллектуальной деятельности индивида, за счет своей сложности и неоднозначности, не пользуется такой популярностью среди масс как, политика или экономика. Поэтому, эстетическая аргументация изначально будет являться убедительной для сравнительно небольшой социальной группы, окончательно сформировавшейся лишь в обществе постмодерна, которую принято называть «интеллектуалами». Именно для них концепция «государства как произведения искусства» является источником гармонии и красоты организации политической жизни индивидов. Для масс такие эстетические категории как «эстетическое», «гармония», «красота» не имеют практической значимости, а наоборот кажутся бесполезными и, как следствие, не убедительными. Для широкой прослойки народонаселения актуальны производные смыслы от базовых категорий эстетики. Так, «красота» и «гармония» предполагают «правильность» и «порядок». Эти категории имеют уже не только эстетическую, но и этическую нагрузку, которая более понятна широкому общественному кругу, более применима на практике и как следствие, является достаточно весомым аргументом при доказательстве актуальности консервативных идей для современности.

Делая вывод из вышесказанного, отметим, что теория Я. Буркхардта позволяет дополнить концепцию консервативного государства (помимо ранее входящих идеологической, политической, экономической составляющих) эстетической составляющей, тем самым усилив ее теоретическое ядро и актуализировав один из краеугольных камней консервативной идеологии в обществе постмодерна.

В данном разделе исследования была предпринята попытка выявить механизмы, формирующие и воспроизводящие идеологемы консерватизма в обществе постмодерна. В ходе исследования мы пришли к выводу, что возможно говорить о трех уровнях, на которых формируется и транслируется консервативное мировоззрение. Во-первых, это ценностный базис, который рассмотрен через структуру мифа, через ритуал, латентно присутствующий в культуре. Во-вторых, представлен лингвистический контекст через

консервативный дискур, который вписан в повседневный язык через лексикоды, соблаз как культурный код консерватизма. В-третьих, через анализ прагматических установок были описаны основания синтеза консерватизма и либерализма, предложена концепция «государства как произведения искусства», подтверждающая ценность идеи консервативного государства.

Заключение

В ходе исследования была поставлена цель эксплицировать механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. В процессе реализации поставленной цели мы пришли к следующим выводам.

1. Аргументировано, что одним из результатов совершенных социальных трансформаций становится размывание идеологического каркаса. С исчезновением биполярного мира, общество проектирует свое развитие исключительно с позиций либерализма, так как общепризнанными становятся такие социальные идеалы, как демократия, частная собственность, рыночная экономика. Победа либерального лагеря приносит в общество идеалы общества потребления, которые формируют новую ценностную систему. В социокультурной плоскости устанавливается культ массового потребления. И если классические идеологии рождались в процессе социальной борьбы за «лучшее будущее», предлагая идеалы «социальной справедливости», то идеология общества потребления рождается в стремлении индивидов удовлетворить свои гедонистические потребности без какого-либо интеллектуального или морально-нравственного обоснования. Это стало отправной точкой для возобновления теоретических изысканий в области поиска социальных идеалов. Интеллектуалы вновь обращаются к базовым консервативным ценностям, конституирующим социальность. Представляется, что причинами востребованности консервативного мировоззрения в современных социальных условиях служат его метафизические основания, которые выражаются в бережном отношении к традициям и ценностям, в идее богатства и уникальности человеческого бытия, в идее истории и ценности индивидуального человеческого опыта в ней, в защите институтов социального воспроизводства (семья, образование, наука), в бережном отношении к культуре и религии, в отстаивании позиций суверенного государства.

2. В ходе исследования была обоснована актуальность базовых идеологием консерватизма в свете технологических тенденций и социокультурной парадигмы постмодернизма. Было отмечено, что указанные тенденции оказывают влияние друг на друга. Дополняя друг друга, оба направления социальных трансформаций, интерпретируя современность, не только дают ее описание, но и ставят на повестку дня ряд проблем, связанных с постулированием нового типа личности (человек – индивидуалист), развитием различных форм отчуждения индивида от социальной реальности, распространением различных форм манипуляции сознанием через развитие технологий масс-медиа, процессами размывания культурных и поведенческих матриц и т.д. Представляется, что обозначенные проблемы могут быть решены с помощью применения консервативных констант (корпоративизм, примат общественного над индивидуальным, толерантность и т.д.) к современным реалиям, сформулированным технологическими и социокультурными процессами.

3. В исследовании было показано, что через диалектику категорий политического и эстетического возможна актуализация консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма. С точки зрения постмодернистов, влияние культурных доминант может быть обнаружено во всех сферах жизни общества. В исследовании реализована идея поиска точек соприкосновения эстетического и политического в обществе постмодерна. Утверждается, что эстетическое и политическое нераздельно сосуществуют в современном обществе. Все больше произведений искусства, получающих признание широкой публики, так или иначе политически ангажированы. Все больше политических событий приобретают эстетическую окраску, призванную обеспечить «нужное» восприятие заложенного в них идеологического посыла каждому отдельному члену общества. Аргументом в пользу того, что в обществе постмодерна политическое и эстетическое типологически обуславливают друг друга, служит определение современного общества как «общества спектакля» (Ги Дебор), где уже сама метафора отсылает к эстетическому. Настоящая действительность построена по аналогии с произведением искусства, и в этом

произведении политическому практически невозможно полноценно существовать без эстетического. В свою очередь культура – это один из базовых элементов консервативного мировоззрения. Политические идеи консерватизма окрашиваются эстетикой красоты «прошлой жизни». Категориальный аппарат эстетики привлекается для того, чтобы «оживить» теоретические установки консерватизма, примирить их с существующей действительностью.

В работе показано, что благодаря аналитике культурных универсалий происходит актуализация консервативной проблематики в социальной философии постмодернизма. В том числе через взаимосвязь эстетического и политического, консервативная идеология сохраняет способность определять и поддерживать коллективное (общественное) измерение современной жизни, быть политической идеологией с «человеческим лицом».

4. В результате проведенного исследования были эксплицированы механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Механизмы формирования и воспроизводства были рассмотрены в аксиологическом, лингвистическом, прагматическом аспектах. В качестве аксиологических механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения были представлены миф, с его воспроизводящей традицию структурой, и ритуал как практика, направленная на адаптацию традиции к будущим изменениям. Оба этих явления, коренясь в культурных архетипах общества, обеспечивают возможность продуцирования консервативных установок в современности.

Лингвистические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения были раскрыты благодаря концепту лексикодов консервативного дискурса, через которые происходит внедрение консервативных установок в повседневный язык. В качестве примера использована постмодернистская идея соблазна Ж. Бодрийера, которая рассмотрена как культурный код консерватизма. Для вычленения данных механизмов была рассмотрена семиотическая составляющая языка консервативного дискурса. Также были проанализированы процессы образования в языке консервативных

установок и способы наделения их властными полномочиями. Показана взаимосвязь между риторикой и консервативной идеологией, обозначены способы трансляции консервативных установок через речевые акты.

Также в работе выделены и описаны прагматические механизмы формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна. Здесь в качестве одного из механизмов была раскрыта возможность синтеза консервативной и либеральной идеологий. Представляется, что синтез такого рода позволит охватить все разнообразие социальных практик современности и предоставить расширенную, плюралистическую методологию для решения всевозможных социально-философских и политических проблем, возникающих перед современным обществом.

В прагматическом контексте был также выделен механизм, суть которого заключается в актуализации концепта консервативного государства через взаимосвязь культурных универсалий постмодернизма с привлечением концепции «государства как произведения искусства» и диалектики категорий политического и эстетического. Это позволило дополнить концепцию консервативного государства эстетической составляющей, тем самым усилив ее теоретическое ядро, что способствует появлению новых возможностей при анализе сущности современного общества.

Дальнейший ход исследования может заключаться в расширении списка механизмов формирования и воспроизводства консервативного мировоззрения в обществе постмодерна, поиске диалектических связей между консерватизмом и либерализмом, способствующих минимизации рисков, встающих перед социумом.

Список литературы

1. Абелинскас Э. Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология: опыт обоснования / Э. Ю. Абелинскас. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 100 с.
2. Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм / В. В. Аверьянов – М.: Институт динамического консерватизма, Центральный издательский дом, 2012. – 696 с.
3. Аверьянов Ю. И. Государство / Ю. И. Аверьянов / Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 65.
4. Альтюссер Л. За Маркса / Л. Альтюссер; пер. с франц. А. В. Денежкина. – М.: Праксис, 2006. – 392 с.
5. Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон; пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
6. Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. сл. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
7. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
9. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек; пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника; послесловие В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

11. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: Размышление о мире XXI века / Д. Белл, В. Л. Иноземцев. – М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
12. Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / П. Бергер; пер. с англ. – М.: Прогресс. Универс, 1994. – 320 с.
13. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию [Электронный ресурс] / Э. Бёрк. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php.
14. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. / Зб. Бжезинский; пер. с англ. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 288 с.
15. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти. / Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Р. Блакар; сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
16. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
17. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
18. Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлем, МакИнтайром, Куном / Дж. Боррадори; перев. с англ. – М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1998. – 200 с.
19. Буранчин А. М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект [Электронный ресурс] / А. М. Буранчин. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: <http://against-postmodern.org/buranchin-traditsionnoe-obshchestvo-i-modernizatsiya-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 14.12.2014).
20. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] / П. Бурдьё // Отечественные записки. – 2005. – № 2. –

Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://bourdieu.name/content/burde-o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-jazyka>.

21. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с фр., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

22. Бурдьё П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, вып. 2. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

23. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 2, № 5. – С. 60-74.

24. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии / Я. Буркхардт. – М.: Юрист, 1996. – 591 с.

25. Бьюкенен П. Смерть Запада / П. Бьюкенен. – М.: АСТ, 2003. – 444 с.

26. Вайнрайх Х. Лингвистика лжи. / Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Х. Вайнрайх; сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

27. Валлерстайн Им. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя [Электронный ресурс] / Им. Валерстайн. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: <http://expert.ru/expert/2009/35/vallerstain> (дата обращения: 29.03.2014).

28. Валлерстайн Им. После либерализма / Им. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

29. Валлерстайн Им. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы / Им. Валлерстайн // Русский исторический журнал. – 1998. – Т.1, № 4. – С. 365-383.

30. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. – 1991. – № 1. – С. 39-50.

31. Василенко И. А. Государство // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 546.

32. Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции) / Л. С. Васильев. – М.: Фонд Либеральная миссия, 2011. – 188 с.
33. Васильева Л. Н. Элитологическая онтология [Электронный ресурс]. – М.: Социум, 2014. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ontologia/17.php.
34. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
35. Верещагин М. Речевые тактики «призыва к откровенности» / М. Верещагин, Р. Ратмайер, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6. – С. 82-93.
36. Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, восприятие [Электронный ресурс] / К. Вульф. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/13/1270180955/%D0%92%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%84_2010_N3.pdf (дата обращения: 28.11.2014).
37. Гадамер Х.–Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. / Х.–Г. Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
38. Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор / К. С. Гаджиев. – М.: ИНИОН, 1999. – 51 с.
39. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
40. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
41. Голобородько А. Консервативная революция: контр-просветительский модерн [Электронный ресурс] / А. Голобородько. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: <http://pravaya.ru/ks/17259> (дата обращения: 12.12.2015).
42. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей; пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др.; под общей ред. Г.В. Каменской. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.

43. Греймас А.–Ж. Структурная семантика: поиск метода / А.–Ж. Греймас; перевод с французского Л. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.
44. Григорян Б. Т. Просвещенный консерватизм / Б. Т. Григорян // Вопросы философии. – 1979. – № 12. – С. 126-133.
45. Гринин Л. Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации /Л. Е. Гринин // Полис. – 2008. – № 1. – С. 123-133.
46. Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: тоpos НОМОАESTHETICUS / А. А. Грякалов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 49-57.
47. Гутнер, Г. Б. Дискурс // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 1. – С. 670-671.
48. Давидович В. Е. Повседневность и идеология / В. Е. Давидович, Е. В. Золотухина-Аболина // Философские науки. – 2004. – № 3. – С. 5-17.
49. Даниленко В. И. // Современный политический словарь. – М.: NOTABENE, 2000. – 1024 с.
50. Дегтярева М. И. Традиция: модель или перспектива? Жозеф де Местр и Эдмунд Берк / М. И. Дегтярева // Полис. – 2003. – № 5. – С. 89-97.
51. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm.
52. Джеймисон Ф. Теории постмодерна / Ф. Джеймисон // Искусствознание. – 2001. – № 1. – С. 111-122.
53. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс; пер. с англ.– М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
54. Делёз Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.
55. Доган М. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: религия, государство-нация, власть / М. Доган // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 12. – С. 23-30.

56. Емелин В. Постиндустриальное общество и культура постмодерна / В. Емелин // Философские науки. – 1998. – № 1. – С. 3-17.
57. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
58. Зиновьев А. А. Запад / А. А. Зиновьев. – М.: Изд-во Алгоритм; Изд-во Эксмо, 2007. – 512 с.
59. Зотова Я. В. Политические ценности свободы и равенства в консервативной интерпретации Э. Берка / Я. В. Зотова // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 6. – С. 279-291.
60. Ивин А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А. А. Иванов // Философский журнал. – 2010. – № 1(4). – С. 66-78.
61. Иглтон Т. Идея культуры / Т. Иглтон; пер. с англ. И. Кушнareвой; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 192 с.
62. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6-32.
63. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
64. Иноземцев В. Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 27-37.
65. Ирхин Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю. В. Ирхин // Полития. – 2006. – № 4. – С. 136-161.
66. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1996. – Вып. 1. – С. 71-74.
67. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана; гос. ун-т - Высшая школа экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

68. Кастель М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
69. Козлова В. А. Человек и информационное общество в философии постмодерна [Электронный ресурс] / В. А. Козлова // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 10. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1824>.
70. Кокошин А. Реальный суверенитет / А. Кокошин. – М.: Европа, 2006. – 88 с.
71. Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. / Материалы научного семинара. – Вып. № 3. – М.: Научный эксперт, 2010. – 104 с.
72. Консерватор: эксперт, гражданин, правитель. Государство, общество, частная жизнь, познание (круглый стол) // Вестник Моск. Ун-та. Сер 12. Политические науки. – 1995. – № 4. – С. 3-33.
73. Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс] / К. Н. Костюк. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html> (дата обращения: 05.05.2014).
74. Кравченко И. И. Политические и другие социальные ценности / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 3-16.
75. Кротов М. И. Совместимы ли консерватизм и модернизация? [Электронный ресурс] / М. И. Кротов. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: <http://www.cskp.ru/content/10000298/10852> (дата обращения: 15.05.2015).
76. Круглов В. Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума: Монография / В. Л. Круглов; ФГОУ ВПО КГАМиТ. – Красноярск, 2009. – 240 с.
77. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Р. Инглхарт, Д. Ландес, С. Линдсей и др.; Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002 – 315 с.

78. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В. В. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 521 с.
79. Лексин В. Н. Консерватизм как иммунная система современности [Электронный ресурс] / В. Н. Лексин. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/sinergiya/3_2010/10.pdf (дата обращения: 25.04.2015).
80. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотра; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб., М.: Алетей; Институт экспериментальной социологии, 1998. – 160 с.
81. Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смысле «пост». После времени: французские философы постсовременности [Электронный ресурс] / Ж.-Ф. Лиотар // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://philosophy.ru/upload/1159281498_file.htm.
82. Лиотар Ж.-Ф. ANIMAMINIMA / Ж.-Ф. Лиотар / Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное; сост., пер. с франц. и послесл. В. Е. Лапицкого. – СПб.; Москва: Machina, 2004. – 128 с.
83. Лихачев Д. Прошлое – будущему. Статьи и очерки / Д. Лихачев. – Ленинград: Наука, 1985. – 576с.
84. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2008. – 303 с.
85. Лосев А.Ф. Платон. Аристотель / А.Ф. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 392 с.
86. Лотман М. Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства / М. Ю. Лотман. – СПб.: Академический проспект, 2002. – 544 с.
87. Лукина Н. П. Специфика онтологического поворота в исследовании идеологии информационного общества [Электронный ресурс] / Н. П. Лукина // Гуманитарная информатика. – Вып. № 3.– Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: http://huminf.tsu.ru/jurnal/vol3/lnp_spec_onotlog_povorot/#top (дата обращения: 13.11.2014).
88. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Н. Луман // Социо-Логос. – 1991. – Вып. 1. – С. 194-216.

89. Луман Н. Медиа коммуникации / Н. Луман; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифоров. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
90. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
91. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
92. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн; 2-е изд. – М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. – 496 с.
93. Мамчур Е. А. Феномен технонауки: эпистемологический аспект [Электронный ресурс] / Е. А. Мамчур. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps16/9.pdf> (дата обращения: 26.12.2014).
94. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
95. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; Издание 2, Том 04. – М.: Политиздат, 1955. – 615 с.
96. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М: Издательство АСТ, 2002. – 526 с.
97. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна [Электронный ресурс] / У. Матц. Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf (дата обращения: 23.01.2015).
98. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации [Электронный ресурс] / В. М. Межуев // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>.

99. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 406 с.
100. Мигранян А. М. Переосмысливая консерватизм / А. М. Мигранян // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 114-122.
101. Минаков А. Ю. Консерватизм в России / А. Ю. Минаков, А. В. Репников // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 639 с.
102. Мусихин Г. И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью / Г. И. Мусихин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 119-133.
103. Назарова О. Ю. Анализ современного состояния культуры в философии Ф. Джеймсона / О. Ю. Назарова // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии. Материалы конференции. – СПб, 2006. – С. 78-83.
104. Национальный интерес versus государственный интерес: теоретические понятия и политическая реальность. Круглый стол // Полис. – 2000. – № 1. – С. 55-91.
105. Никонаева Т. Н. Лингвистическая демагогия / Т. Н. Никонаева / Прагматика и проблемы интенциональности. Сборник научных трудов. – М.: ИНИОН АН СССР, 1988. – С. 154-165.
106. Ойзерман Т. И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 578.
107. Ойзерман Т.И. Избранные труды: В 5 томах / Т. И. Ойзерман / Составитель И.Т. Касавин. – М.: Наука, 2014.
108. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
109. Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов / Э. А. Паин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 37-54.

110. Патнэм Р. Чтобы демократия работала: Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – М.: Ad Marginem, 1996. – 254 с.
111. Петрунин Ю. Ю. Политические ценности [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Петрунин. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: <http://oleg-fedorov.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0026/26593.7454axw3fm.pdf> (дата обращения: 10.03.2015).
112. Подорога В. А. Апология политического / В. А. Подорога. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.
113. Пригожин И. Р. Сетевое общество / И.Р. Пригожин // Социологические исследования. – 2008. – №1. – С. 24 – 27.
114. Прокофьев А. В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла / А. В. Прокофьев // Философский журнал. – 2011. – № 1(6). – С. 103 – 114.
115. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер; пер. с фр. – М.: Праксис, 2006. – 237.
116. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / Ж. Рансьер; сост., пер. с франц. и послесл. В. Е. Лапицкого. – СПб.; Москва: Machina, 2004. – 128 с.
117. Рахшмир П. Ю. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса / П. Ю. Рахшмир // Полис. – 2005. – № 5. – С. 60-79.
118. Ремизов М. В. Консерватизм и современность [Электронный ресурс] / М. В. Ремизов/ Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/sinergiya/3_2010/2.pdf (дата обращения: 05.05.2014).
119. Розенберг Н. В. Динамические дуальности культуры повседневности [Электронный ресурс] / Н. В. Розенберг // Аналитика культурологи. – 2012. – №23. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-dualnosti-kultury-povsednevnosti>.
120. Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер; пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с.

121. Рормозер Г. Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А. А. Френкин. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1996. – 237 с.
122. Рыков А. В. Постмодернизм как радикальный консерватизм / А. В. Рыков. – СПб: Алатейя, 2007. – 376 с.
123. Совместное заседание Московско-Петербургского философского клуба и Флорентийского общества по теме Государство как произведение искусства // Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Ин-т философии РАН; Московско-Петербургский философский клуб; отв. ред. А. А. Гусейнов. – М.: Летний сад, 2011. – 288 с.
124. Сокольская И. Б. Консерватизм: идея или метод / И. Б. Сокольская // Полис. – 1998. – № 5. – С. 4858.
125. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 640 с.
126. Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль; пер. с франц.; предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
127. Ушканова Р.Д. Методология социально-философского анализа в контексте истории философии / Р.Д. Ушканова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2007 – Т.4, № 4. – С. 74-79.
128. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малахиной; под ред. Е. Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
129. Федотова В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
130. Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 3-23.
131. Ферри Л. Философ и политическое [Электронный ресурс] / Л. Ферри // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/fer.html>.

132. Франк М. Политические аспекты нового французского мышления [Электронный ресурс] / М. Франк // Логос. – 1998. – № 6. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/frank.htm>.
133. Френкин А. А. Феномен неоконсерватизма / А. А. Френкин // Вопросы философии. – 1991. – № 5. – С. 66-74.
134. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб.: Гуманитар. акад., 2004. – 412 с.
135. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко; пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 446 с.
136. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
137. Фурсов А. И. Представляю номер / А. И. Фурсов // Русский исторический журнал. – 1998. – Т. 1, №4. – С. 3-21.
138. Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре / Ю. Хабермас // Вестник РФО. – 2003. – № 3. – С. 14-23.
139. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-52.
140. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб: Наука, 2000. – 377.
141. Хабермас Ю. Политические работы. / Ю. Хабермас; сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
142. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии / Ю. Хабермас // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 105-152.
143. Хайдеггер М. Ницше [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/110634/Haiidegger_-_Nicshe._Tom_1.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
144. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален / С. Хантингтон // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 84-93.

145. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности/ С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: Издательство АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.
146. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ Москва, 2006. – 571 с.
147. Хаттон У. Мир, в котором мы живем. / У. Хаттон; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 556 с.
148. Холмогоров Е. Консерватизм и модернизация [Электронный ресурс] / Е. Холмогоров. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: <http://novchronic.ru/5198.htm> (дата обращения: 15.02.2015).
149. Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер; пер. с нем. – М.: Республика, 1996. – 327 с.
150. Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. [Электронный ресурс] / Ю. Чернявская. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/17.php (дата обращения: 04.08.2014).
151. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер; пер. с англ.; Науч. ред. Я. Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980 – 326 с.
152. Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории / Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 59-69.
153. Шмелев А. Д. Апелляция к реальности как демагогический прием / А. Д. Шмелев // Московский лингвистический журнал. – 1996. – Том 2. – С. 405-416.
154. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер; пер. Б. Гиммельфарб, М. Гохшиллер. – М.: Азбука, 2001. – 448 с.
155. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
156. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

157. Эйзенштадт Ш. Н. Множество современностей в эпоху глобализации / Ш. Эйзенштадт // Русский исторический журнал. – 1998. – Т. 1, № 4. – С. 349-364.
158. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. / Ш. Эйзенштадт; пер. с англ. А. В. Гордона под ред. Б. С. Еrosoва. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
159. Эйзенштадт Ш. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор / Ш. Эйзенштадт, В. Шлюхер // Прогнозис: журнал о будущем. – 2007. – № 2. – С. 212-226.
160. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб: Симпозиум, 2004. – 544 с.
161. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – М.: Практика, 2001. – 336 с.
162. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004. – 384 с.
163. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон; пер. с англ. // Структурализм: «за» и «против», – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
164. Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг: конспект / О. Н. Яницкий // Социс. – 2011. – № 5. – С. 136-145.
165. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
166. Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era / Zb. Brzezinski. – N.Y.: Viking Press, 1970. – 123 p.
167. Cohen D. Richessedumonde, pauvretésdesnations [Электронный ресурс] / D. Cohen . – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: <http://procultura.fr/wp-content/uploads/2014/01/Daniel-COHEN-Richesse-du-monde-pauvret%C3%A9s-des-nations.pdf> (дата обращения: 07.01.2015).
168. Dijk, J. A. G. M. van. The Network Society / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA.: Sage Publications Ltd, 1999. – 272 p.

169. Dijk, J. A. G. M. van. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA.: Sage Publications Ltd, 2005. – 248 p.
170. Giddens A. *Social Theory and Modern Sociology* / A. Giddens. – Oxford: Polity Press, 1987. – 310 p.
171. Hassan I. *The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture* / I. Hassan. – Ohio State Univ Pr (Txt), 1987. – 288 p.
172. Jameson F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act.* – NY: Cornell University Press, 2014 – 320 p.
173. Jameson F. *The Seeds of Time* / F. Jameson. – New York: Columbia University Press, 1994. – 215 p.
174. Kaltenbrunner G.-K. *Zur Krise der politischen Tugenden. «Handbuch zur Deutschen Nation»* / G.-K. Kaltenbrunner. – Tübingen, 1987. – 236 p.
175. Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society* / Y. Masuda. – Washington: World Future Soc., 1983 – 419 p.
176. Müller A. H. *Die Elemente der Staatskunst* / A. H. Müller. – Wien und Leipzig, 1922. – T. 1. – 347 p.
177. Phillipson R. *Linguistic Imperialism.* – Oxford: Oxford University Press, 1992. – P. 160-167.
178. Schiller H. *Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500* / H. Schiller. – Norwood, NJ: Ablex, 1981. – 167 p.
179. Thrift N. *The rise of soft capitalism // Cultural Values.* – 1997. – № 1/1. – P. 29-57.